

МО
ССА
ЛИТ

МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

№ 3 (25) 2017

МО
ССА
ЛИТ

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont bons,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Осенняя песня

Осень приходит по расписанию. Она строго придерживается календаря. Утром встаешь, выглядываешь в окно – ничего не изменилось: тот же пейзаж, что вчера, и солнце пока еще припекает, и цветы на клумбах, и одежда легкая. Вот только на календаре 1 сентября. И настроение становится немного грустным. Осень.

Изменчивая, непостоянная, с буйством красок и корзинами урожая, она всё равно не мила. Поначалу все еще ждут тепла и верят в бабье лето, но вот журавлиный клин последним криком отпускает на волю лето, меркнут и осыпаются фрески осеннего леса и наступает ноябрь.

Не любит матушка Осень своего последнего сына, обделила наследством. Ни красок не выделила, ни плодов, ни ягод. Только мерзлая клюква по болотам. Урожай собран, поля вспаханы. И солнца пожелела. Пуст ноябрь. Одинок и не весел. Серую пряжу прядет по небу, раздув ноздри, принюхивается – Зимой пахнет. Не за горами уже. Первый снег вот-вот выбелит землю. Первый лед уже лег на лужи.

– Почему тебя не любят? – спрашиваю.

Он пожимает плечами и хрустит подмороженной листвой.

– Некрасивый, говорят. Хмурый, сырой, ветреный...

...Некрасивый, сырой, ветреный... так и есть. И хмурый. Хочется скорее снега, чтобы ночи стали светлее и запахло новогодними праздниками. Чтобы лед сверкал на солнце и морозил нос, чтобы сквозь иней на ресницах дрожало солнце, а снегири красными рождественскими шарами висели на деревьях...

Но всё идет своим чередом, и время не остановить и не ускорить. Последние листья ветер раскладывает по оврагам, туманы становятся холодными и плотными, и начинаются дожди.

Осенний дождь скучен. В нем нет весенне-летнего куража и свиты из грома и молний. Он тих. Временами почти бесшумен. Тосклив и однообразен. Как занудит с утра, и всё одно и то же, одно и то же: кап-кап-кап, бу-бу-бу. Азартные летние споры ему чужды, куда ближе тихие философские беседы. Но его не переубедить, он будет твердо стоять на своем. Он любит сумрак, когда даже в полдень хочется зажечь в комнате свет. Он никуда не торопится – в его распоряжении вечность.

«Хватит, остановись, ну что ты повторяешь одно и то же! – говорю ему я. – Надоел!»
«Время мое пришло, – спокойно отвечает дождь. – Время осенних дождей. Лучше послушай, что я шепчу, может, узнаешь что-то новое».

Что мне еще остается?! Я надеваю ботинки, выхожу на улицу, раскрываю зонтик и иду слушать осенний дождь.

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

АРТ-КАФЕ

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ВАМ ЦВЕТЫ!». Цветочная тема
художника ГЕОРГИЯ ПЛОТНИКОВА

5

ПРОЗА

РОМАН КАМБУРГ (Израиль)

- РАМАТ ИЛЬЯХУ
- ЗАПИСКИ О ВРАЧЕ

ЛЮБОВЬ ГАРКУША (Сербия)

- ШКАТУЛКА

ЕФИМ АБРАМОВ (Израиль)

- СОБАКА, ЛОШАДКА И АКАДЕМИК ТОТО
- ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ
- ПАМЯТИ ДЯДИ

7

10

15

20

24

26

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ОНА ШЛА ПО ЖИЗНИ «ПО-МУЖСКИ УВЕРЕННО И ПО-ЖЕНСКИ ВЛЮБЛЕННО, СЛУЖА КИНЕМАТОГРАФУ, КАК ГЛАВНОМУ ДЕЛУ СВОЕЙ ЖИЗНИ». О заслуженном кинодраматурге Зиновии Маркиной

30

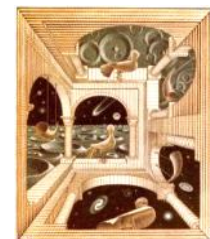
ПОЭЗИЯ

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва). Переводы

ЛЕЙЛА БЕГИМ (Чехия, Прага)

ЕВГЕНИЙ АГУФ (МОССАЛИТ, Москва)

ЮЛИЯ ЛЫСОВА (Шарья, Костромская обл.)

41

46

49

55

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

КАТЯ НИКИШИНА (Москва)

- СТИХИ, ПЕРЕВОДЫ

ГЕОРГИЙ ПЛОТНИКОВ (Московская обл.)

- МИШУТКА

60

64

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ** (МОССАЛИТ, Москва)

- *ДЖИНСЫ С ДЫРКАМИ, или ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...*

75

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ХРОНИКИ ШКИПЕРА. Киклады. Часть 2. (Продолжение)*

78

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. К. Эшера, Г. Плотникова, рисунок А. Народицкой, фотографии из архива Алексея Казарновского.

На обложке репродукция картины Георгия Плотникова «Осень». Картон, масло, 50 х 60, 2012 г.

Георгий Плотников. Солнечный день. ДВП, масло, 50 х 60, 2007 г.

АРТ-КАФЕ

В этой рубрике мы знакомим читателей с творчеством современных художников: здесь пьем кофе и разговариваем о живописи, графике, рисунке и художественных перспективах.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ВАМ ЦВЕТЫ! Цветочная тема художника ГЕОРГИЯ ПЛОТНИКОВА

Цветы...

Ах, как много художников пишут натюрморты с цветами, букетами цветов, одаривают нас, зрителей, пейзажами целых цветочных полей. И цветочная тема всегда выступает беспроегрешно – такая яркая, подкупающая, чуть женственная и, как сказали бы наши деды, «буржуазная».

Но ведь что удивительно в этой столь любимой и, казалось бы, привычной зрительскому глазу теме? А удивительно то, что всегда и везде живописные букеты несут в своих бутонах, лепестках, цветовых оттенках и самом характере живописного мазка неповторимый почерк своего создателя, приоткрывая его характерный – субъективный – взгляд на мир и рассказывая целую историю о темпераменте и характере художника.

**Георгий Плотников. Солнечный день.
ДВП, масло, 50 x 60, 2007 г.**

И вот вновь: «Здравствуйте, вам цветы!»

На этот раз в выпуске МВ – прекрасные букеты от Георгия Плотникова, современного российского художника, позитивного и необычайно красивого душой, о чем свидетельствуют его цветочные натюрморты – сочные, уверенные, наполненные воздухом и вдохновленные красотой окружающего мира. Что вы говорите, за окном ноябрь? Серый и грустный, преддверие зимы? Да что вы! Как только вы посмотрите на картины Плотникова, так тут же измените свое мнение! Именно поэтому в ноябрьском номере МВ вы хотим согреть вас солнечностью и оптимизмом, исходящими от представленных работ.

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Итак, знакомьтесь – Георгий Плотников¹. Родился в 1964 году на хуторе у села Боково Тюменской области среди непроходимых лесов и болот. Детство его прошло в деревне Большие Уки, затерявшейся в тайге на севере Омской области. Любимыми занятиями Георгия с детства были рыбалка, лыжные гонки и рисование.

После службы в армии, перебравшись в Омск, учился в вечерней художественной школе в классе Семенова Владимира Григорьевича. В 1993 году окончил художественно-графический факультет Омского педагогического университета.

Георгий много путешествует в поисках впечатлений и идей. Темы его творчества – природа, история, славянская мифологическая культура. Работает как живописец и график, создает инсталляции и даже занимается моделированием одежды.

Георгий – участник Московского объединения художников «Международный художественный фонд». Является постоянным участником художественных выставок галереи «АрденА» в Международном Славянском культурном центре. Его работы хранятся в музеях и частных коллекциях в России и за рубежом.

С 1990 по 1998 год жил и работал в Омске, Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Чернигове, в небольших городах России и Украины. С 1999 года Георгий постоянно живет в Подмоскovie, где находится его творческая мастерская. Георгий Плотников пробует себя и в литературе в различных жанрах².

Пожелаем художнику и начинающему литератору Георгию Плотникову успехов и творческих побед, таких же ярких и звонких, как его живописные работы.

Ирисы.
Оргалит, масло, 50 x 60, 2010 г.

Солнечный день.
Оргалит, масло, 50 x 60, 2012 г.

¹ Посмотреть другие картины художника <http://n-prospect.ru/painter/plotnikov-g-r>

² См. текущий номер МВ раздел «Детское чтение», рассказ «Мишутка».

ПРОЗА**РОМАН КАМБУРГ**

(Израиль)

РАМАТ ИЛЬЯХУ³**Черная кожа**

Проснувшись утром, он хотел снять с себя кожу. Ему приснилось, что молнии находятся под волосами и на спине. Надо только расстегнуть их и вылезти, как змея, из своей старой оболочки. Открыв глаза, он увидел свою обычную кофейно-коричневую молодую кожу, усмехнулся, потянулся в постели, вскочил на ноги.

Натан привычно умывался, брился, вспомнил вдруг: «Сегодня одиннадцать лет, как я здесь, в Рамат Ильяху, в Эрец Исраэль». Это последнее слово придало ему равновесие, заряд на новый день. Натан возложил кипу на свои жесткие, как проволока, волосы. Прицепил к поясу кобуру с пистолетом. Со дня демобилизации из армии он работал в охране. Последние полгода охранял детский сад. В шесть тридцать, как обычно, Натан вышел из дома. Рамат Ильяху уже пробудился. Муниципальные машины с грохотом опрокидывали мусорные баки. Маленькие магазинчики-маколеты были открыты. Население, по преимуществу чернокожее, выходило на улицы. Женщины в годах шли, по-африкански замотанные в платки, в длинные хламиды, на шее у большинства висели старинные серебряные талеры с изображением Марии Тересии на одной стороне и двухглавым орлом на другой. Почти у всех были татуировки на лицах, шеех, лбах.

Иногда Натан спорил сам с собой, кем он себя чувствовал больше: евреем, израильтянином, эфиопом. Когда только приехал, ощущал себя евреем. И готовился стать израильтянином. Стопроцентным израильтянином. Беглому ивриту и сленгу научился в армии. Но этого ему показалось мало. После армии решил взять курс у логопеда, чтобы говорить без акцента. Но и тут Натан пошел дальше: читал стихи Бялика и Альтермана, прозу Агнона и Гроссмана. Знал всех современных израильских знаменитостей, телеведущих, певцов, спортсменов. Ходил на фильмы, в театрах он был один темнокожий в зале, потом уже познакомился с Иланой. Их прекрасная пара возбуждала любопытство в опере или камерном театре Тель-Авива.

Он не был религиозным фанатом, но соблюдал субботу и в конце недели посещал синагогу.

Раз Натан решил побывать в таком месте, как паб. В тель-авивском порту их немало на любой вкус. Школьный учитель физкультуры, аргентинец Серхио, взял шефство над Натаном. Он жил в стране почти двадцать лет и на правах старожилы направлял парня. Серхио порекомендовал паб «Глобус». Паб без наркотиков, с хорошим выбором пива, спокойный,

³ «Черный» квартал в городе Ришон-ле-Цион, Израиль (примеч. авт.).

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

солидный паб. Часов в одиннадцать вечера Натан подошел к пабу. Настроение было великолепное. Он напевал модную израильскую песенку Даны Интернешнал. Когда перед ним оказались два дюжих охранника, Натан поднял руку, приветствуя своих коллег. Хотел пожелать им спокойного вечера, как вдруг почувствовал, что оба парня держат его железной профессиональной хваткой, а один из них, кипя ненавистью, шипел: «Эфиопская вонючка, чтоб я тебя здесь больше никогда не видел». Натан запомнил это лицо на всю жизнь.

Илана

И тот день запомнил Натан. Кончался рабочий день, мама выводила девочку из сада. Девчушка плакала-заливалась, никак не могла успокоиться. Ворота уже нужно закрывать, а девочка забилась в угол двора, не поддаваясь на уговоры мамы.

Натан подошел к ним.

– Что-то случилось, госпожа? – спросил он.

Миловидная мама лет тридцати, в джинсах, белой блузке и темных очках, тщетно успокаивала дочку.

– Я сегодня задержалась на полчаса в больнице и пришла за ней чуть позже. А она обиделась: «Всё время меня последнюю забираешь, не любишь меня». Вот какой концерт.

– Как зовут нашу красавицу? – поинтересовался Натан.

– Лея, – вдруг ответила девчушка.

– А я Натан. А как маму зовут?

– Илана, – они сказали это обе одновременно, и обе засмеялись.

– Лея, – сказал Натан совершенно серьезно, обращаясь к девочке как к равной, – мама Илана работает в больнице, людей спасает, а ты плачешь. Ты гордиться должна такой мамой. Сейчас я покажу тебе, как закрывают ворота сада.

Лея дала маме руку, и они обе стали смотреть на Натана.

Лея что-то шептала на ухо Илане, Натан не слышал, но ощущал какое-то внутреннее волнение, даже дверь не сразу поддавалась.

– А пусть он пойдет с нами, – вдруг попросила Лея.

Илана и Натан переглянулись, Илана чуть заметно улыбнулась уголками рта и кивнула.

Илана чувствовала некоторое неудобство: надо было пройти с незнакомым мужчиной по Рамат Ильяху. В квартале все знали друг друга, машины были не у многих, большинство ходило по старинке пешком. Когда подошли к ее дому, неудобство Иланы усилилось, а женщины, сидящие на лавке у подъезда, словно по команде, повернули головы в их сторону. На виду у женщин они прощались довольно скованно.

Илана поблагодарила, подала Натану руку. Единственный намек, который дала: «Ну, увидимся еще в детском саду».

– Да, конечно, увидимся, – пробормотал Натан.

Только Лея не чувствовала стеснения:

– А пусть он зайдет к нам.

– Нет, нет, – поспешил отказаться Натан, – в следующий раз. Будь умницей. Не плачь и слушайся маму. Так они расстались.

Их знакомство продолжилось через день. И теперь уже они ходили, взявшись за руки, без Леи, а с Леей осталась бабушка, мама Иланы. Не много смешанных черно-белых пар гуляет по городу. А такой совершенной пары совсем нет. Оба высокие, стройные. Да и счастье делало их еще красивее. Женщины у подъезда попривыкли, хотя еще и шептались:

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

- Ну наконец-то она не одна. Какого красавца нашла!
 - О чем вы говорите, милая. Не могла своего найти. С черномазым пошла. Дура набитая.
 - Оставьте. Черный, белый – какая разница, здесь все мы евреи.
- Серхио одобрил выбор Натана.

– Натанчик, я горжусь тобой. Хоть одну смешанную пару в Рамат Ильяху вижу. Знаешь, так должно быть – все вместе. Я в свое время тоже эфиопочку хотел, да видно не судьба была, с моей Алисией поженились. Но я за тебя рад, рад. Жду свадьбы...

Когда Илана и Натан заходили в оперу, многие оборачивались. Он был в черных наглаженных брюках, лаковых классических туфлях, в белой рубашке с длинным рукавом. Она в розовом платье, на высоких каблуках, порхающая, словно бабочка.

«Вонючка»

На воскресенье (иом ришон) было назначено собрание охранников. Обычное собрание, которое представители охранной фирмы делали раз в три месяца. Накануне Натан провел чудесный шабат с Иланой, он весь искрился от любви.

Охранники рассаживались в зале, и словно электрический шок парализовал Натана. Он увидел своего врага, которого тогда прозвал «Вонючка». Вонючка сел далеко, ряда через четыре, вряд ли он заметил Натана. Кроме того, Натан знал, что у белых память на черные лица слабая, намного слабее, чем память черных на белые лица. Прошло около получаса собрания, предстояла реорганизация. Натана перебрасывали охранять другой объект – школу. Охранники должны были работать там в парах. Начальство уже составило списки пар. Натан вышел в туалет, а когда вернулся, коллеги уже не сидели, а сгрудились около представителя фирмы.

- С кем я? – спросил Натан.
- С Шимоном Туржеманом.

«Шимон – хорошее имя. Шимон Перес, например, – Натан любил Переса. – Качественный политик и бескорыстный. Сейчас все они продажные. А Перес – нет».

От размышлений его отвлек голос ведущего собрание.

– Сейчас я зачитаю список пар. Вы познакомитесь и с завтрашнего дня начнете работу в новых местах. Через две недели – стрельбы.

Пары вставали и выходили в коридор. «Натан Кабеда – Шимон Туржеман».

Натан увидел, как Вонючка встал с места и пошел в коридор.

После собрания Натан долго не мог прийти в себя. Метался, раз за разом прорабатывал сценарии мести. Наконец позвонил сначала Серхио, потом Илане. И рассказал им всё с подробностями.

Серхио сказал: «Пусть этой ночью не спит он. А ты, мой друг, будь выше всего этого. Когда-нибудь придет время его проучить. Спи спокойно. Хороших тебе снов».

Илана успокаивала Натана, а в конце заключила: «Милый мой! Не мужское дело – месть. А ты у меня настоящий мужчина. Я придумаю для Вонючки казнь. Дай время. А завтра иди и спокойно работай. Даже вида не подавай, что ты его знаешь, целую тебя, мой сладкий».

Стрельбы

За первые две недели работы кроме «здравствуй» и «до свидания» они перекинулись всего несколькими словами, причем Натан молчал. Молчанием он выказывал презрение к Вонючке. Вонючка как-то спросил его:

– Ты где живешь, парень?

– Рамат Ильяху, – буркнул Натан.

– Да, неразговорчив ты и суров, – сказал Вонючка.

По этому ответу Натан заключил, что Вонючка не узнал его и, разумеется, не вспомнил об эпизоде в пабе.

Стрельбы у охранников проводились регулярно. В последний год Натан выбивал или сорок девять, или пятьдесят из пятидесяти. Раздали пистолеты, наушники. Расставили мишени. Натан вдруг увидел впереди себя спину Вонючки и свой пистолет, нацеленный в нее.

Он поспешно отошел в сторону. «Что за глупости, дорогой, – заговорил он с собой, – хотя в Торе и сказано «око за око зуб за зуб», но какое это имеет отношение ко мне, Натану, к сегодняшнему дню, к стрельбам, к Вонючке, наконец. Никакого». Натан постарался забыть эту картину, загнать ее поглубже: свой пистолет, направленный в спину Вонючки.

Через час стрельбы закончились. На этот раз Натан выбил сорок девять из пятидесяти. Вонючка – пятьдесят из пятидесяти.

Подходил к концу учебный год. Стоял жаркий изнуряющий июнь. Они сидели в одной будке при входе в школу. Вонючка проводил все дни у компьютера, к которому подключались камеры наружного наблюдения. Он включал интернет и каждые несколько минут заглядывал в камеры – так полагалось по инструкции. А Натан сидел напротив открытой двери, читал книгу. Прочтет полстраницы – и в дверь посмотрит. В будке был вентилятор, который гонял горячий средиземноморский майский воздух. Но лучше вентилятор, чем ничего.

Натан заглянул на часы, оставалось минут шесть-семь до звонка. Вонючка уставился в компьютер.

– Парень, иди-ка сюда, посмотри: тебе не кажется, что этой машины здесь не было? – спросил он.

– Ну, наверное родители за детьми подъезжают, – сказал Натан, – я выйду взгляну на нее.

Не успел он выйти на улицу, как услышал истошный крик Вонючки:

– Парень, берегись, там два типа!

Раздался выстрел. Натан почувствовал, что пуля впиалась в дерево рядом.

Вонючка выскочил за ним:

– Это террористы! Возможно, в машине взрывчатка!

Натан выстрелил в одного и, кажется, ранил его. Вдруг он увидел, что сбоку и чуть сзади Вонючки показалась фигура с автоматом.

«Калашников», – мелькнуло в голове. Натан прыгнул на Вонючку, повалил на землю. Очередь обожгла его. Больше он не помнил ничего. Вонючка, лежа под Натаном, прицелился и нажал на курок. Тот, с автоматом, упал.

На выстрелы выскочили люди, учителя школы, ученики, так и не дождавшись звонка. Рядом с входом лежали три тела: два террориста и истекающий кровью Натан. Вонючка уже вызвал скорую. Подъехали одновременно три машины. Окружили место. Убрали детей.

Шимон Туржеман, которого Натан про себя называл «Вонючка», вышел из больницы. Когда он увидел своего спасителя, подключенного к мониторам, горло его сжалось. Врачи назвали положение Натана тяжелым, но стабильным.

ЗАПИСКИ О ВРАЧЕ

*У Булгакова и Вересаева все врачи записки пишут,
а здесь пациенты о врачах.*

Прием

После последнего приема у врача я была полностью подавлена и разочарована. Признаться, я к нему была равнодушна и как-то призналась в этом медсестре. Она так разозлилась, словно я выдала государственную тайну. Сказала, чтобы в рабочее время я не смела намекать ему на свои чувства.

В докторе мне нравилось, что он расспрашивал меня не о болезнях, а о моей жизни и обо мне: что у меня дома, как дети, как настроение. Мне казалось, что я никому в мире настолько не интересна, как была интересна ему. Если он замечал на приеме, что я еле сдерживаю слезы, клал свою руку на мою, и тихо говорил: «Ты активная, сильная женщина. Другим до тебя далеко». Он смотрел мне в глаза прямо, глубоко и в то же время мягко. Я улыбалась. Чувствовала, мне лучше и лучше, мне хорошо. Он отнимал руку весьма незаметно. Мне казалось, его рука все еще лежит на моей руке. Потом он говорил про лекарства, как их принимать. Я кивала головой и продолжала улыбаться, как сладкая дурочка, а когда полностью приходила в себя, понимала, что прием уже окончен и я с улыбкой иду по улице.

Георгий Плотников. Подсолнухи.

Оргалит, масло, 50 x 60, 2007 г.

- Нет, но на это у меня есть право, я больная, а ты врач.
- Мы оба всего лишь люди.
- Я думала, что ты – человек в белом халате... и с клятвой этому, как его... ну, древнему греку...
- Гиппократу, – грустно сказал он.

Я всегда была не в ладах со временем, да еще нетерпеливые пациенты начинали стучать в дверь, а некоторые, наиболее наглые, даже заглядывали из любопытства. Я брала рецепты и направления, благодарила его. Около двери всегда оборачивалась и с нежной благодарностью смотрела на него, прежде чем выйти. Он улыбался мне, а я улыбалась ему.

Но сегодня все было иначе. Он не встал, когда я вошла в кабинет, продолжал смотреть в компьютер и, лишь вяло кивнув в ответ, спросил, на какое время у меня очередь, попросил карточку. Сухо, вежливо, будто и не знал меня как свою постоянную пациентку.

– Доктор, что-то случилось?

– У нас постоянно беспокойно, а почему ты спрашиваешь?

– Просто ты не такой, как всегда.

– А ты всегда одинакова со мной?

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

- Да, да, именно ему.
- Клятва не отменяет природы человека.
- Я поняла, доктор... все поняла... ты прав, как всегда...

Я сдалась, быстро подняв руки. Мне нравилось быть слабой и сдаваться ему. Сладостное мазохистское ощущение. Но он не оценил и этого, продолжал тупо смотреть в свой дурацкий компьютер.

- Извини, мне надо срочно отправить больную в приемный покой.
- Ничего... я понимаю... я подожду сколько надо...

Я наблюдала за его лицом. Сегодня оно выражало недовольство, тревогу, отчужденность. Мне казалось, что это был совсем другой врач. Не тот, который клал свою руку на мою всего несколько дней назад.

- Еще пару минут, – нетерпеливо бросил он, не отрываясь от компьютера.

Я взяла листок бумаги с его стола. Ручкой набросала его в полупрофиль, вспомнила: когда училась рисованию, это называли «в три четверти». Портреты мне удавались с детства. Всегда есть в лицах две-три характерные черточки. Люди обычно узнавали себя, говорили, что талант не скроешь. Но когда поняла, что не дотяну ни до Дюрера, ни до Гольбейна, я прекратила учебу в изостудии.

Доктор оторвался от компьютера, бросил взгляд в мою сторону – взгляд у него был молниеносный – и попросил показать набросок.

- Да, – сказал он, – не думаю, что ты мне польстила. – И он рассмеялся.
- Возьми на память, – сказала я.
- Спасибо, только с авторской подписью.

Я написала: «Моему добрейшему доктору».

Потом он дал мне несколько направлений на анализы. Это были исследования мутаций моих генов.

– Есть мутации хорошие, а есть злые. Надеюсь, что у тебя нет злых, судя по развитию болезни. Но давай исключим плохое.

- Давай, – согласилась я.

Предплач, постврач

Я вернулась домой. Дети были в школе. Меня не покидало чувство предплача. Выпила залпом две чашки воды. Села в кресло-качалку. Вода и ритмичное качание в кресле обычно успокаивали меня. Сейчас нет. Я начала анализировать. Анализ тоже иногда помогал. «Хорошо или плохо плакать после посещения врача?» – задала себе вопрос. Обычно, когда он прикасался к моей руке, после приема мне не хотелось плакать. Где-то я вычитала, что плач полезен. Женщины больше плачут и дольше живут. «Но после врача плакать нехорошо», – решила я. К тому же этот комок в горле, который я назвала предплач, совсем неприемлем.

Не переодеваясь, я села к компьютеру. Посмотрела названия мутаций в его письменно-направлении и ввела их в поиск гугла. Он их назвал «злые».

«Имеются у двадцати-тридцати процентов женщин, резко ухудшают прогноз...»

Я не стала читать дальше и расплакалась по-настоящему. Заглянула в бар. Там были «Ред лейбл», «Джек Дэниелс» и любимый ром «Негрита». Подумала было, что дети опять почувствуют запах алкоголя. Ну и пусть. Дети детьми. А мне-то сколько осталось с этими несчастными мутациями? Я налила ром в пузатый бокал, примерно две-три рюмки. Запах рома дурманил, словно феромоны бабочку. Мелкими глотками, перекачивая во рту капли, я выпила весь ром. Да, мечта-с...

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Ром понес меня к островам – Куба, Ямайка, Канары. Я позабыла о мутациях и докторе. Черт с ними! Нельзя всё время думать о болезни. Я хотела музыки и танцев. Успела взглянуть на часы: через пятнадцать минут надо идти за детьми. Пятнадцать минут – очень даже много. Как хотелось еще рома! Но нельзя. Нужно идти и быть серьезной и чуть несчастной мамой. Зато я уже не хотела плакать. Я хотела на Кубу или на Ямайку, хотела плясок вокруг костра под звуки охотничьего рога и тамтамов.

Я привела детей, покормила их, поговорила о школе, об упрямой учительнице и пончиках с повидлом. Они ушли к себе, в свою жизнь, а я осталась в своей, с какими-то ненужными мне мутациями и Кубой с танцами. Набрала номер его телефона. Я звонила ему всего второй раз после того, как он дал мне номер около месяца назад.

Он ответил сразу.

– Я просто так, у меня ничего не болит, и мне хорошо, – сказала я выжидательно.

– Я рад, на самом деле рад. Извини, что сегодня не отнесся к тебе внимательно...

Я почувствовала, что он абсолютно неискренен. И мне захотелось дурачиться. Дурачиться, дурачиться, дурачиться...

Несколько дней я не связывалась с ним. И он молчал. Хотела выяснить результаты анализов, но боялась его. Утром вставала, убеждала себя позвонить, вновь откладывала звонок. Это двойственное ощущение обиды и деятельного любопытства разрывало меня. К вечеру я была абсолютно изможденной, как будто работала целый день с лопатой на стройке. К концу недели не выдержала и позвонила в поликлинику. Мне ответили, что мой доктор сегодня не принимает. Я набрала номер его мобильного, он не ответил. Ну, он имеет право отдохнуть в конце недели, подумала я с неудовольствием. Поймала себя на мысли, что ничего не знаю про его семью – ни про жену, ни про детей.

На следующий день, в шабат, я открыла интернет. Набрала коды своей больничной кассы и нажала на поле «Анализы». Показались мои мутации. Из трех две были положительны. Лист интерпретации результатов у меня уже лежал отпечатанный с прошлого раза. Какое будущее мне сулили карты?

Если нет ни одной мутации или есть всего одна, то выживаемость пятьдесят процентов, в среднем двенадцать лет, если мутаций две, то она резко сокращается до трех-четырёх лет, и в случае трех мутаций прогноз неблагоприятный – только десять процентов дотягивают до года.

Итак, шансы этой женщины – еще три-четыре года жизни. Почему-то я думала о себе в третьем лице, как будто оценивала со стороны. Значит, половина не доживает до трех-четырёх лет, или четверть не доживает, а четверть может и пережить? Я не была сильна в математике. Решила, несмотря на шабат, позвонить доктору. Тем более у меня был такой вопиющий повод! Но и сегодня мой добрейший в прошлом доктор молчал. Наверное, с семьей нежится на пляже или в бассейне отеля. Ну что ж, вечером на исходе субботы я обязательно ему перезвоню.

Весь день не выходила из дома, так как стояла сорокаградусная жара. Ложилась, брала книжку и вновь вскакивала. Включала телевизор и через несколько минут выключала его. Шла на тренажер, крутила педали, но чувствовала, что мне не это было нужно. На исходе субботы около десяти вечера я снова попыталась поймать его. И снова телефон молчал. Как-то он обмолвился, что выключает его в субботу. Я успокоилась немного, взяла таблетку лоривана и уснула до семи утра.

Сердце

Первым делом набрала его номер. Он ответил. Он? Нет, ответила женщина. Наверное, жена, мелькнуло сразу.

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

- Можно доктора Авраами? – я старалась быть как можно более строгой и официальной.
- А кто спрашивает?
- Его пациентка.
- Доктор Авраами болен, он не может ответить.
- Извини... скажи... – я растерялась, – где он, что с ним?
- У него тяжелый сердечный приступ. Он второй день в кардиологии.
- Извини, а ты кто? – поинтересовалась я.
- Я его дальняя родственница, – ответила она.
- Вот как? Я сейчас приеду к нему. Я его не побеспокою. Извини, какая больница и какое

отделение?

Подумав, она дала мне координаты, я почти мгновенно оделась, побежала во двор и завела машину. Ехала и не видела дороги.

«Идиотка! – ругала я себя. – Он там, на краю жизни, а я сижу со своими мутациями».

В палате он был один. Выглядел совсем чужим и таким одиноким. В обе руки из систем лились жидкости. Попискивал в ритме его сердца монитор. Он спал – от лекарств или усталости, я не знала. Постояла минуту, две. Вошла женщина, на вид лет пятидесяти. Темноволосая, полноватая, одетая просто. Я называла это «киббуцный стиль». Обычно на них просторные, не всегда различного цвета майки. Брюки или, чаще, джинсы. На ногах сандалии. У женщин ни следа косметики.

Такая была родственница. Звали ее Това, что значит «хорошая». Доктору она приходилась двоюродной тетей, хотя не уверена, всегда путала степени родства. Мне с ней с первых слов было легко. Она обо мне лично ничего не выспрашивала, и я о ней тоже. Говорили только о нем, о моем докторе, Шломо Авраами.

Часа через полтора я ее отпустила. А вскоре он проснулся.

- Ты здесь? Как, зачем? – спросил он тихо-тихо.
 - Я звонила, а ты не отвечал. Потом Това мне ответила, всё рассказала.
 - Где она?
 - Я ее отпустила. Скажи, что тебе надо. Я сама всё сделаю.
 - Пить хочу. Они воду льют, а пить все равно хочется.
- Он выпил полстакана. Я вытерла ему губы, лицо, лоб. Он улыбался. Я тоже улыбнулась.
- Ты знал, что мне придется за тобой ухаживать?
 - Нет, не знал.
 - И я не знала.

Я хотела спросить о жене, детях, но не решалась.

Вместо этого спросила:

- Ничего не болит?
- Сейчас нет. А кстати, как твои мутации?

Я улыбнулась:

- Ну вот, ты – доктор сейчас. Значит, тебе лучше.

Я положила ладонь на его руку.

- Есть, но одна только, – с беспечным смехом заявила я.

Вдруг... да, вдруг... он взял мою ладонь двумя руками и поцеловал ее. После этого он с облегчением откинулся на подушки и спокойно заснул. Я слышала ритм монитора, там глухо билось его слабое сердце. А внутри меня как бешеное стучало мое.

ПРОЗА

Любовь Гаркуша

(Сербия)

ШКАТУЛКА

Руки Мастера продолжали свою работу. Ему не надо было смотреть за руками, они сами продолжали полировать портсигар. А мысли его витали где-то далеко. Так всегда происходило, когда он заканчивал очередную работу. «Как сложится судьба той вещицы? В какие руки она попадет? Может, ей суждено попасть в музей или сгореть в огне. А может она будет передаться из поколения в поколение и проживет долгую и счастливую жизнь!»

Мастер отложил портсигар, вытер руки тряпичной салфеткой, закурил. «Руки! Самый лучший инструмент для полировки дерева. После такой обработки изделие становится гладким, как шелк, и нежным, как кожа младенца». Затянулся, взглянул на портсигар... Он уже не помнил, как и когда ему пришла идея сделать его. Прошло много времени, как он сделал саму коробочку, потом придумывал отделку – летящая утка. «Ну вот, со временем создания немного определились!» Потом все эти детали лежали и ждали своего часа. А сейчас работа почти закончена. Затушил сигарету и взглянул на шкатулку на углу стола. Необыкновенной красоты, с резной крышкой, он купил ее несколько дней назад у чуждого старичка на блошином рынке.

День был пасмурный и ветреный, очень не хотелось выходить из дома, но блошиный рынок, на который он собирался, работал только раз в месяц, не хотелось пропускать такое событие. Он обошел почти весь рынок – ничего интересного, а когда собрался уходить, заметил старичка, который торговал старым хламом. Порывшись, он нашел несколько инструментов и еще какую-то мелочь, которая могла пригодиться. Полез в карман за деньгами... Среди старых вещей его взгляд выхватил кое-что просто изумительное. Шкатулка с резной крышкой. Нет, он не мог ошибиться! Эти характерные завитки узора, эти прорезные цветы... Он узнал руку Мастера. Цены на его работы на аукционах были просто заоблачными. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоить сердцебиение. Главное, не показать свою заинтересованность...

– А что это там у тебя, любезный? – указал он на шкатулку. – Можно мне посмотреть поближе?

– Конечно! Шкатулка, конец прошлого века, – ответил старик, хитро улыбаясь и протягивая шкатулку.

Хитрую улыбку Мастер не заметил, а про себя подумал, что старик ошибся минимум на сто лет. Они торговались минут двадцать, пока договорились о цене. Дороговато, учитывая, что шкатулка была немного повреждена пожаром.

* * *

– Хватит мечтать! – Грозный окрик отца и деревянная колотушка, которая больно ударила по загривку, заставили Ваню вернуться в реальность. – Собирайся, нас ждет граф!

Граф был их постоянным и самым богатым заказчиком, они делали для него мебель. Отец всегда брал его с собой, когда ехал получать очередной заказ. Ваня обрадовался. Пока взрослые будут обсуждать свои дела, он сможет пообщаться с дочкой Графа – Марией. Белокурая девочка необыкновенной красоты с синими, как океан, глазами. Ваня знал ее уже

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

несколько лет и был влюблен в нее так сильно, преданно и беззаветно, как способен любить десятилетний мальчик. А еще она потрясающе играла в городки, так метко бросать биты может не всякий мальчишка.

Поиграть в этот день не удалось, так как отец настоял, чтобы Ваня присутствовал при разговоре. Графу нужен был новый секретер. Не простой секретер, а с секретом, обязательно с секретными отделениями и резными дверцами. В разговоре принимала участие и жена Графа. Она очень хотела шкатулку с резной крышкой и потайным отделением, чтобы эта шкатулка располагалась в секретере, но ее было не заметно для того, кто не посвящен в эти хитрости.

Работа закипела. Заказ был срочным. Встретиться с Машей не было никакой возможности. Он видел ее регулярно, когда она с гувернанткой проходила мимо их дома, направляясь в парк. Прошло несколько месяцев. Ваня с отцом завершили работу. Секретер получился необыкновенной красоты. Дверцу его украшала резная Жар-птица. Точно такая же Жар-птица красовалась на крышке шкатулки.

Маша вбежала в кабинет отца, мельком взглянула на секретер, внимательно осмотрела шкатулку. Повернулась к Ване, подбоченилась: «Ты сделаешь мне такую же шкатулку, когда я вырасту?!» Это был не вопрос, а скорее утверждение... Через секунду Маша исчезла из кабинета.

Прошло несколько лет. Иногда они встречались с Машей, разговаривали, гуляли в парке, но очень редко. У отца было много заказов, а Ваня помогал ему, совершенствуя свое мастерство.

Георгий Плотников. Осень.
Оргалит, масло, 50 x 60, 2007 г.

– Хватит мечтать! – удар кулаком между лопаток. – Сколько можно тебе повторять: она графиня, дочка самого богатого человека в нашем городе. А ты кто? Ремесленник.

Умер Граф, отец Маши. Они стояли рядом около могилы, и он держал ее руку. Она была такая красивая в черном платье. Процессия потянулась с кладбища, а они всё стояли молча и держались за руки. Она повернулась, упала ему на грудь и зарыдала. Она захлебывалась слезами, плача навзрыд. А он обнимал ее, гладил по волосам и хотел умереть вместе с ней, прямо в это мгновение, только бы оно никогда не заканчивалось.

Через несколько дней, когда отец уехал к очередному заказчику, Ваня решил навестить Машу. Он не мог забыть того мгновения на кладбище, когда держал ее в своих объятьях. Чувствовал, что ей нужна его поддержка. Старый дворецкий закрывал ворота на замок, когда Ваня подошел к дому.

– Могу я видеть Марию? – спросил он.

– Опоздал, милый! Мария с матерью уехала в Париж третьего дня. Видишь, дом закрыт, никого нет, всю прислугу рассчитали.

– Как же так! Почему она мне ничего не сказала?

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

– Это была последняя воля ее отца. Он хотел, чтобы она училась в Париже в женском пансионе. А маман сопровождает ее.

Годы бежали быстро. Мастерство Вани росло. Отец старел. Всё больше и больше работ в мастерской выполнял Ваня. Но никогда он не забывал о Маше. Мечтал, как они встретятся...

– Ваня! Очнись от своих грез! Ты слышал последнюю новость: у нашей губернии новый губернатор. Собирайся! Мы едем во дворец к Губернатору, ему нужна новая мебель для кабинета, срочно, предстоит много работы.

Дворец губернатора, кабинет.

– Добрый день, Мастер! Я слышал о вас много лестных отзывов и решил убедиться, всё ли правда, что о вас говорят. Давайте начнем с секретера, и если вы справитесь с этой работой, то можно будет говорить о других заказах.

На лестнице послышались легкие шаги. Сердце Вани заколотилось, упало к пяткам, а потом начало биться так, что он даже хотел зажать его руками, чтобы не выпрыгнуло из груди. Он не мог понять, что с ним.

– Дорогой, я еду на верховую прогулку, – дверь отворилась, и в кабинет впорхнул белокурый ангел в костюме-амазонке. Он сразу узнал ее.

– Дорогая, познакомься, это Мастер. Я хочу заказать ему секретер. Это моя жена Мария.

– Здравствуй, Мастер, – она как будто не замечала Вани, – я дочка Графа, вы делали мебель моему отцу.

Она продолжала игнорировать Ваню, обращалась к своему мужу или его отцу.

«Она замужем! Как? Почему? Неужели она всё забыла! Как она могла!» – Ваня испытал шок и совсем не слышал разговора.

– Дорогой! – обращалась к мужу Мария. – Мастер делал потрясающий секретер для моего отца, с секретными отделениями. А еще была удивительной красоты шкатулка, с резной крышкой и секретным отделением. Она пряталась в секретер. Моя мама хранила в ней свои драгоценности.

– Драгоценности надо хранить в сейфе, так надежней – заметил Губернатор.

– Сейф может найти и вскрыть любой медвежатник, а шкатулку – только тот, кто знает, где искать.

– Мастер, прошу вас, сделайте для моего мужа секретер, как вы делали моему отцу, а мне – шкатулку, как у моей мамы. Только я хочу, чтобы вместо Жар-птицы ее украшала птица феникс, вылетающая из огня.

– Сейчас большинство работ выполняет Ваня, я уже стар, плохо вижу.

Из ступора Ваню вывел толчок в спину...

– Детали обговорите без меня. Я на прогулку, – и выскользнула за дверь, не дождавшись ответа.

– Сколько тебе можно говорить! Вернись на грешную землю и займись работой. Она замужем. За губернатором, – продолжал напутствовать Мастер своего сына, пока они спускались по лестнице.

Навстречу поднималась она. Слегка коснулась его руки, и у Вани в ладони оказался маленький клочок бумаги. «Жду тебя завтра в час пополудни в городском парке, на нашем месте. Маша».

Маша появилась неожиданно, она запыхалась, почти бежала.

– У нас очень мало времени, молчи, не перебивай, мне надо очень много тебе рассказать. И Маша рассказала свою историю.

– На следующий день после похорон мы узнали, что разорены, дом заложен. Незадолго до смерти отец оплатил всё время моего обучения и проживания в пансионе во Франции, а для

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

мамы снял небольшую квартирку, чтобы она была рядом. Он готовился к смерти. Нам пришлось срочно уехать, взяв с собой только самые необходимые вещи. Остальное – мебель, драгоценности – забрали кредиторы. Я жила в пансионе, а мама перебивалась случайными заработками, которых едва хватало, чтобы заплатить за квартиру. Мама простудилась. Не было денег, чтобы купить дрова. Мама долго болела и умерла. Я закончила обучение. Вернулась в квартиру, в которой жила мама. Чтобы вернуться в Россию, нужны были деньги, я искала работу. И тут появился Он, представился другом моего отца. Стал мне помогать, поддерживать, оплатил долги за квартиру. Предложил выйти за него замуж... А недавно я случайно узнала, что в разорении и смерти моего отца виноват этот человек. Я очень обрадовалась, когда узнала, что Он получил назначение на пост губернатора, у меня появился шанс.

Рассказ Маши взволновал Ваню, он хотел увезти ее подальше от этого страшного человека, но пока не знал как то сделать.

– Я хочу уйти от него. Но он держит меня в клетке, как птичку, никуда не отпускает. Единственное место, куда он не может меня взять с собой, это Собрание – женщин туда не пускают, и тогда я могу встретиться с тобой. Не знаю, когда мне удастся снова увидеть тебя. Давай договоримся заранее, что каждый вторник ты будешь ждать меня здесь, на нашем месте, с часу до трех. Мне пора.

Она быстро поцеловала его в щеку: «Я люблю тебя! Помоги мне!» – и упорхнула, как птичка, только в воздухе остался аромат ее духов.

Ваня еще долго топтался взад-вперед по аллее, пытаясь придумать выход из сложившейся ситуации. Он скопил немного денег, стал отличным мастером, он сможет прокормить себя и Машу.

Прошла неделя. Как осуществить задуманное? Этот вопрос не давал ему покоя, он не мог спать по ночам. Уже больше часа он ждал Машу в условленном месте. Стук копыт заставил его вздрогнуть и отойти в сторону. Это была она. Она неслась галопом на вороном жеребце, волосы развевались на ветру, лицо покраснелось. Не останавливаясь, она пронеслась мимо, что-то упало возле ног Вани. Как только он выпрямился, подняв с земли камень, завернутый в бумагу, и убрал его в карман, появился еще один всадник. На бешеной скорости промчался мимо, подозрительно посмотрев на Ваню.

Записка от Маши: «Он о чем-то догадывается или подозревает, потому приставил ко мне надсмотрщика. Мы не можем пока видаться. На 26 октября назначена большая охота, будут очень влиятельные люди. Женщины не допускаются. Мероприятие продлится три дня. Это самое удачное время, чтобы убежать. Придумай, как это сделать, и дай мне знать. Твоя Маша».

Мысль сработала моментально. Записку с инструкцией можно положить в шкатулку, которую он делал для Маши, в секретное отделение. Губернатор никогда ее не найдет. Секретер был почти готов, остались только отделочные работы. Надо поторопиться, так как времени оставалось очень мало.

За несколько дней до запланированного побега секретер доставили в дом губернатора. Заказчик остался очень доволен работой и щедро расплатился с Мастером. Маши не было видно.

В день побега в назначенное время Ваня ждал Машу в условленном месте. Прошло уже несколько часов, а ее не было. Что могло случиться? Уже за полночь Ваня поплелся домой. Поезда уже не ходили, ждать дольше не имело смысла.

– Где ты ходишь? Посмотри, что творится на улицах! – набросился на него отец.

Не слыша слов отца, Ваня как был в одежде повалился на кровать и провалился в тревожный сон. Утром с трудом поднялся и долго не мог понять, что говорит ему отец:

– Переворот... Бунт... Революция... Восстание... Разбой... Подожгли дом Губернатора...

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

– А как же Маша?

– Очнулся! Слава Богу! Губернатора предупредили заранее. Они с Машей уехали за границу, не волнуйся.

Он не волновался. Сердце его разбилось на мелкие кусочки...

Середина двадцатого века. Комната в коммунальной квартире. Секретер Губернатора. Старушка в старомодном платье достает фарфоровую чашку и наливает себе чай...

Та же самая комната, но обои оборваны, мебель разломана, окна выбиты, секретер цел, но без стекол, покрыт пылью и паутиной. Два бомжа ищут дрова, чтобы развести костер и согреться. Вынимают ящики из секретера, отламывают дверцы. Разводят костер. Пожар. Бомжи убегают. Пожарные тушат пожар...

Старичок, торговец с блошиного рынка, ходит по развалинам. Находит обгоревший сломанный секретер. Совершенно случайно ему на глаза попадаетея шкатулка, она почти не пострадала, только немного обгорела. Он поднимает ее и заворачивает в тряпицу.

**Георгий Плотников. Пионы.
Картон, масло, 50 x 60, 2007 г.**

Рука Мастера продолжала нежно поглаживать узор на шкатулке, проходя кончиками пальцев по каждому завитку и углублению. Так руки влюбленного мужчины ласкают тело любимой женщины, проходя по каждому изгибу ее тела, находя все впадинки и бугорки... «Опс! А это что еще такое?» – он подвинул шкатулку поближе: какой-то рычажок. Щелчок. Открылось потайное отделение. На дне лежал пожелтевший от времени листочек бумаги. Аккуратно пинцетом Мастер достал записку и развернул ее на столе. Чернила от времени потеряли яркость, и слова с трудом читались: «Дорогая Маша! Жду тебя 26 октября на нашем месте в три часа. Охота продлится три-четыре дня. Нам хватит времени, чтобы исчезнуть. Мы уедем поездом подальше от твоего мужа, туда, где он нас никогда не найдет, сменим имена. Я скопил немного денег. Возьми с собой только самое необходимое. Буду ждать, пока ты не придешь, даже если мне придется ждать вечность. Твой Ваня».

Мастер хотел вернуть записку на место в потайное отделение, но она рассыпалась в руках... Он отставил шкатулку. Взял в руки портсигар, понюхал его: «Отличная работа! Маслом почти не пахнет, через пару дней запах совсем выветрится!» Вложил в него сигареты и положил в карман...

ПРОЗА*Ефим Абрамов**(Израиль)***СОБАКА, ЛОШАДКА И АКАДЕМИК ТОТО**

Господи, как же он ненавидит Баденвейлер... Ему показалось это слово слишком сильным и глубоким для выражения чувств, которые его в последнее время и не посещали вовсе. Нет, не ненависть, пожалуй, равнодушие. Апатия и полное отсутствие желаний. Ему не хотелось прикасаться к чему-либо – всё казалось ледяным и безжизненным. Но это было не так. Ледяным и безжизненным становился он сам, и началось это несколько месяцев назад, а точнее, в середине девяностых годов теперь уже прошлого века.

Прошлого века, подумал он, безуспешно пытаюсь согреть руки под теплым пледом. Но руки не согревались, и попытки эти были тщетны и никому не нужны. Он знал об этом. Знал и о том, что его медленно покидает жизнь. Почему «покидает», подумалось вдруг, а не «оставляет» или «уходит». Едва возникшая в нем видимость активности и слабая, но профессиональная попытка найти более точное слово вызвала на его бледном, измученном лице подобие улыбки.

– Ты улыбаешься, дусик, – услышал он голос жены. – Расскажи мне, о чем ты думал сейчас... Пожалуйста!..

Она подошла, села рядом, поправила плед и посмотрела на родное и любимое лицо. Лицо ее мужа. Он молчал. Он даже не открыл глаза, только повернулся к ней и сделал слабое движение рукой. Он полулежал в кресле, подставив свое истощенное болезнью тело лучам немецкого солнца. Никак не удавалось согреться. Да и как может немецкое солнце согреть русского человека, подумал он. Не было такого никогда и не будет. Другое дело – небо Франции или Италии. Южное солнце вносило в азиатско-византийский характер русского человека частицу своего темперамента и иной вкус жизни. А Германия, с ее педантичностью, чистотой и пунктуальностью, только раздражала. Не было в истории России творца, будь то поэт или прозаик, создавшего на этой земле что-либо достойное.

Ему нестерпимо захотелось домой. В Россию. В любимую Москву. Чтобы можно было, неторопливо прогуливаясь, зайти к милой, доброй и не лишенной дарования Марии Владимировне, заглянуть на чай к талантливому Ивану Алексеевичу, повидать брата и сестру, а затем, уже одному и без сопровождающих, выйти на Плющиху и дойти до церкви Воздвижения на Овражке...

...Вагон качнуло, платформа за окном медленно поплыла назад, и тяжкий гудок паровоза вознесся в пасмурное крымское небо. Поезд набирал ход, оставляя за собой зимнюю Ялту с ее тоскливыми дождями, непролазной грязью и свинцовым небом. Он улыбнулся. Как легко и хорошо, подумал он. Переживания последних дней и мучительные сомнения улетучились в одно короткое мгновение. Оказывается, надо было просто принять решение.

Он развязал широкий шарф, расстегнул пуговицы пальто и глубоко вздохнул – в вагоне было тепло. Он даже не почувствовал привычной боли в груди. Ему захотелось есть и, поднявшись, он направился в вагон-ресторан...

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Все последние дни он терзался своим вынужденным одиночеством, долгим молчанием Ольги и отсутствием какого-либо желания работать. Он старательно обходил письменный стол, на котором лежали листы бумаги с набросками новой пьесы. Он не выходил на веранду, потому что сырой от дождя воздух вызывал озноб и нагонял еще большую тоску.

Не радовала и собака, которую он обнаружил у калитки под большим кустарником. Продрогшая, худая и грязная, она неожиданно пошла за ним и, переступив порог квартиры, улеглась на потертом коврик под высокой вешалкой. Он помыл ее в тазике с теплой водой, вытер большим баннным полотенцем и накормил остатками домашней колбасы. Сейчас она неотступно следовала за ним, и стоило ему обернуться, как она преданно заглядывала в глаза и старательно виляла хвостом. Так и я, подумал он, готов часами смотреть ей в глаза.

Хватит, прервал он себя. Надо перестать думать о ней. Перестать фантазировать всякую чушь. Надо заставить себя работать. Заставить подойти к столу и взяться за перо. Смешно сказать, но меня начали упрекать в лени. Но лень тут ни при чём. Просто нет сил. Ни физических, ни душевных. Я не могу в таком состоянии работать, не могу писать.

Я хочу ее видеть! Хочу услышать голос, посидеть рядом, прикоснуться к щеке! Они видят ее каждый день, каждый час и каждую минуту! А я сижу в этой чертовой дыре, с этим проклятым кашлем и предписанием врачей. Не переутомляться, не переохладиться, не перенапрягаться и не нервничать... Ха!.. А как прикажете жить?! Как?.. Он распахнул дверцу платяного шкафа и стал собирать вещи. Всё! Хватит! Ему плевать на запреты врачей и боль в груди. Он больше ни минуты не может оставаться здесь, в этой удушающей провинции. Ему хочется услышать скрип снега под ногами, хочется вдохнуть морозного воздуха и увидеть, наконец, свою жену, свою законную супругу, свою Ольгу! Всё! Больше не терять ни секунды... Прочь отсюда! От ежедневной серости, тоски и одиночества... В Москву! В Москву! В Москву!..

Он никого не предупредил, никого не поставил в известность, никому ничего не сказал. Приехал на вокзал за несколько минут до отправления московского поезда и, не оглядываясь, решительно поднялся в вагон.

В ресторане он с удовольствием поел и, предавшись размышлениям, уставился в окно. Зайдет ли в театр? Навестит ли знакомых? Обрадуется ли Ольга?..

– Что же ты молчишь, милый? – спросила еще раз Ольга и пожалала его руку.

Он открыл глаза и увидел ее рядом. Как она красива, подумал он, любуясь ее лицом. Моя жена. И как молода. Ей жить и жить, а я медленно угасаю...

Он не боялся смерти, о чем в одном из писем признавался другу, и поэтому сейчас даже не задержался на этой мысли, а самым чудесным образом увидел себя в краснопрестольной в далеком восемьдесят пятом. Ему недавно исполнилось двадцать пять, он слыл уже модным писателем, и его с радостью принимали в различных литературных кружках. На одной из таких вечеринок он и познакомился с Марией, самоуверенной двадцатилетней девушкой, назвавшей Тургенева архаичным и скучным, а великого Толстого «хранителем мертвого слога». Она и пригласила его на чай с домашними сладостями, которые неподражаемо готовит ее *tata*. Он с удовольствием принял приглашение, пообещав быть без опоздания в субботу в полдень, и даже подержал ее за локоть, глядя проникновенно в глаза несколько долгих секунд. Его не интересовал чай, а уж тем более домашние сладости. Его интересовала девица, довольно начитанная, не по возрасту самоуверенная и желавшая казаться ниспровергателем устоев общества.

– Мы, женщины, – говорила она, глядя на собеседника васильковыми глазами, – принесем человечеству в двадцатом веке истинное *emancipation*, а не пустую болтовню государственных чиновников.

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Сразу же вспыхивала дискуссия, и молодые люди, начинающие журналисты, художники и литераторы, перебивая друг друга, рисовали картины будущего, экономического и политического подъема России, ее небывалого расцвета, когда женщина, освобожденная наконец от вековых предрассудков общества, сможет в полный голос заявить о своих правах и вместе с мужчиной строить новую российскую государственность.

Он смотрел на девушку и улыбался. Подобная *mademoiselle* или, как чаще говорят французы, *jeune fille*, воинственная, сильная и, на первый взгляд, неприступная, перешагнув порог спальни комнаты, мгновенно становится любвеобильно-страстной, готовой рвать коготками простыни и подушки.

В компаниях друзей, когда некоторые с удовольствием делились подробностями своих любовных походов, он чаще всего отмалчивался и в подобных разговорах участия не принимал. Но друзья требовали рассказа, сюжета, деталей. Он молчал, подготавливая себя к шутливой импровизации. Лицо его становилось бледным, печальные глаза наполнялись слезами, резким движением он выходил из-за стола и театральным жестом хватался за голову.

– Каюсь, господа, – возвещал он трагическим голосом. – Каюсь. И нет мне прощения! Подлец!

Смеялись и к этой теме уже не возвращались. Он легко знакомился, легко сходил и также легко расставался, прекрасно понимая, что никакой любви здесь нет и не было.

Позднее в его жизни появилась Лидия или, как называл ее Исаак Ильич, «прекрасная Лика». Она действительно была хороша: темнобровая, сероглазая, с вьющимися, густыми волосами. Лидия сразу привлекла к себе внимание. Общалась она просто, без какого-либо высокомерия и умела заразительно смеяться. Он увлекся ею, а она влюбилась. А может быть, и его чувства можно было назвать любовью? Ведь он действительно искал встреч с ней и с удовольствием слушал милые рассказы о курьезах прошедшего дня или недели. Что же помешало ему сделать ей предложение? Что заставило отстраниться и даже переживать многие годы? Переживать вдвойне, когда Лика демонстративно заявила о своих чувствах к Игнатию и родила... Может, он испугался?

Испугался и тогда, когда она, припав к его груди, говорила о своей любви к нему и плакала, а его душил кашель и не хватало воздуха. Да, да, испугался! И бросился к другой. Зачем? Для чего? Что могли принести ему эти короткие, мимолетные связи? Только разочарование и усталость. А они, все эти женщины, продолжали любить его и искать с ним встреч. Каждая из них мечтала стать ему женой и другом, но ему не нужны были слова признания, ему не нужна была их верность и преданность. Он просто утолял свою страсть, надеясь, что настоящее чувство еще придет к нему.

...Вагон мерно покачивало. Сосед по купе, уютно устроившись, давно уже спал, а ему не спалось. Сама мысль об этом рискованном путешествии отгоняла сон и придавала его состоянию почти юношескую бодрость. Он смотрел в ночное окно и продолжал вспоминать.

Странно, думал он, что, занимаясь беллетристикой более двадцати лет – он усмехнулся, еще раз мысленно повторив слово «беллетристика», – он никогда не испытывал страха перед чистым листом бумаги, никогда не знал мучений в работе и не чувствовал раздражения. Он всегда торопился к письменному столу, к заветным бумагам, с радостью вдыхая запахи чернил и типографской краски. Так отчего же в жизни, в его личной жизни, размышлял он, ему выпало столько проблем, столько обид и страданий. Отчего же ему пришлось так долго плутать в лабиринтах одиночества и так часто разочаровываться? И отчего только сейчас Творец даровал ему это чувство взаимной привязанности и искренней нежности? Неужели только для того, чтобы на исходе жизни он еще более остро почувствовал настоящую горечь утраты?!

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Он вспомнил свою поездку к Толстому. Великий старец принимал его с радушием и угощал отменно, а он смотрел на пожилого писателя и думал о себе. О своих чувствах, глубоко затаенных и почти никому не высказанных, о женщинах, с которыми был близок и которые любили его, о своей болезни, стремительно толкавшей его в бездну вечности.

Вот она, мудрость и величие жизни, думал он, глядя на Льва Николаевича. Семья, дети, и ведь сколько написано! Нет, нет, в отношении себя он не скромничал. Он знал, что давно уже признан новатором русской сцены и литературы и что многие считают его живым классиком. Но все эти хвалебные статьи, дифирамбы и овации странным образом перестали приносить удовлетворение, а чувство неустроенности и даже безысходности стало заполнять все его существо. Он чувствовал себя изгнанником, одиноко бредущим по ночным улицам вымершего города. Черные окна отражали холодный свет луны, и ему некуда было идти. Его нигде не ждали.

Чем старше он становился, чем сильнее болезнь подтачивала его здоровье, тем острее он чувствовал потребность в сильных и настоящих чувствах. Он хотел любви. И он влюбился. Ольга появилась в его жизни так, как появляется первая строка новой книги – неожиданно и долгожданно. Их встреча стала их болью, их мукой, их горем и счастьем. Соединив свои судьбы и проведя вместе некоторое время, они стали расставаться надолго, а встречались всего на несколько дней. Иногда ему казалось, что писем между ними было гораздо больше, чем вместе проведенных часов. Их жизнь превратилась в бесконечно долгие проводы и расставанья, мучительно длинные письма, которые он, не раздумывая, променял бы на одну самую короткую встречу!

...Интуиция не подвела его. Московский холодный воздух оказался живительно-бодрящим и, подхватив саквояж, он направился к извозчику. Никем не замеченный, он прошел за кулисы и замер. Шла последняя сцена его мучительно трудной пьесы, и она, ради которой душа его рвалась в столицу, прикладывала платок к глазам и говорила родным для него голосом:

– Неудачная жизнь... ничего мне теперь не нужно... Я сейчас успокоюсь... Всё равно... Что значит «у лукоморья»? Почему это слово у меня в голове? Путаются мысли.

Он едва дышал. Слова, произнесенные Машей, героиней его пьесы, и всё, что происходило до самого финала – каждое слово, каждое движение и каждый жест – касались непосредственно его, его жизни, его судьбы. Ведь он совершенно не думал об этом и ничего такого не предполагал. А сейчас каким-то чудесным образом он увидел свое детище со стороны и услышал то, о чем почти никогда не признавался самому себе...

Сестры стояли на сцене, прижавшись друг к другу. Сценическая пауза завораживала и гипнотизировала. И в этой тишине голос Маши зазвучал проникновенно и нежно:

– О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

– Придет время, – услышал он голос Ирины, – все узнают, зачем всё это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить...

Да, да, надо жить, подумал он. И завтра я уеду отсюда, уеду, чтобы работать и жить...

– О боже мой! – подхватила Ольга. – Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас... Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!..

Спектакль кончился. Тяжело поплыл занавес. Актеры начали покидать сцену. Она торопливо прошла мимо, остановилась, медленно повернулась и посмотрела на него снизу

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

вверх. В это короткое мгновение он успел прочесть в ее глазах и испуг, и растерянность, и восторг. Она с криком бросилась в его объятия.

Потом был шумный вечер с музыкой, водкой и шампанским. Неугомонный и темпераментный Владимир Иванович требовал новых пьес, а долговязый и рано поседевший Константин Сергеевич рассуждал о новизне мизансцены и возможностях использования всей глубины площадки. Он мило улыбался, кивал и поглядывал на свою Ольгу – она была рядом.

Ночью ему не спалось. Он лежал и чувствовал ее дыхание, слышал, как она тяжело вздыхает, видел, как вскидывает руку и, сама того не ведая, мучается сценическими образами.

Конечно же, думал он, это ее жизнь, и этим она будет жить всегда. Со своими режиссерами и партнерами, соперницами и поклонниками. А он навсегда останется в ее жизни человеком, которого она уважала, ценила и, наверное, любила...

Возвращался он через день. Купе показалось ему тесным и душным и, чувствуя надвигающийся приступ, он рванул в коридор, затем в тамбур и распахнул дверь. Встречный ледяной воздух хлестко ударил в лицо. Что же это со мной, подумал он. Что? Неужели через день опять будет грязь, пасмурное небо, холодный мелкий дождь и бесконечно долгие ночи серой провинциальной жизни? Жизни, которая была невыносима! Отчего же, думал он, стало так тяжело расставаться. Отчего?..

Он глубоко вздохнул, но облегчение не приходило. Ком, подкативший к горлу, не давал дышать, и тогда он закричал. Закричал что было сил. Закричал о своем одиночестве, о бессонных ночах и страшной боли, которая разрывала его сердце. Он не понимал, что происходит. Не понимал, потому что такого не было никогда. Никогда!

У какого-то полустанка поезд замедлил ход, слабый свет из вагонных окон едва освещал заснеженный перрон, на котором, не в силах расстаться, целовались мужчина и женщина. Охватившее его чувство неловкости и легкой зависти неожиданно сменилось чувством, совершенно ему незнакомым – чувством ревности. Да, да, ревности. Чувство, которое неприятно удивляло и раздражало в других. Откуда? Он раскрыл томик Шекспира и читал до глубокой ночи. Ну конечно. Прав был великий. Любовь и ревность! Ревность и любовь! Вот два кита, на которых держится любая интрига и любой сюжет. И жизнь, подумал он...

...Слабым движением пальцев он ответил на рукопожатие Ольги и еще раз улыбнулся.

– *Que, mon tres-cher Antonio!* – откликнулась она.

Что я дал ей, и что мог дать, еще раз подумал он. Если бы знать. Если бы знать... А вслух произнес:

– Я люблю тебя!..

Она засмеялась и поцеловала его.

– Я буду любить тебя всегда, – добавил он и прикрыл глаза.

Всё хорошо, подумалось ему, всё будет хорошо...

Гроб с телом писателя привезли в Москву ранним прохладным утром. Шел мелкий дождь. Тускло светили привокзальные фонари. Встречающих было четверо. Спустившись на перрон, Ольга тихо плакала...

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Любовь отзывчива, и ее вирус изначально заряжен положительными атомами, поэтому первый эмоциональный всплеск может быть подобен высокой волне. Эта высокая волна чувств сохранилась во мне в непоколебимой уверенности благодаря той любви, которую я видел в

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

глазах своей бабушки. Она любила меня так, как может любить только бабушка своего единственного внука. И моя любовь к ней, тогда неосознанная, необъяснимая и непонятная, была взаимной. Взаимной только потому, что я видел в ее глазах безграничную любовь ко мне, ее внуку.

Моя бабушка, горская еврейка в десятом или двадцатом поколении, была отдана в замужество в тринадцатилетнем возрасте. В четырнадцать она стала матерью, подарив миру сына, которого назвали Рувим. Он был ее первенцем. Затем она родила Манашира, потом мою тетю Мозолут и, наконец, моего отца, которого назвали Адынья. Так сложилась жизнь, что именно Рувим стал навсегда болью ее души и сердца, ее невыплаканным страданием...

Весной 41-го года он был лейтенантом НКВД. Красивый молодой человек, он в июле 41-го ушел на фронт добровольцем. В ноябре бабушку известили о том, что лейтенант Абрамов Рувим Мухоилович пропал без вести. В ту ночь бабушка не сомкнула глаз, а утром соседка по двору заметила, что тридцатитрехлетняя Овгоил сидит за низким столиком, обхватив голову руками. Теперь уже седую голову. Ее темные, густые, вьющиеся волосы стали белыми за одну осеннюю ночь...

...Я ее такой и помню – седовласую, красивую, с тонкими чертами лица.

И очень выразительными глазами. Глазами, в которых была любовь.

Она считала, что я, единственный ее внук, похож на Рувима.

Значение слов я понимал, но не осознавал глубины и смысла.

Для нее моя схожесть с родным дядей была той нитью, которая связывала ее жизнь с прошлым и настоящим. Это была нить протяженностью в несколько десятков лет. А для меня, совсем еще мальчишки, тогда не было прошлого. Для меня была она, была моя мама, отец, дед, который не расставался с книжечкой Торы и каждое утро ходил на соседнюю улицу, улицу Димитрова, где стояла синагога горских евреев, был наш двор с виноградниками, были соседи: азербайджанцы, армяне, русские, и были мои друзья...

До сих пор храню одну-единственную фотографию, на которой мой дядя Рувим в военной форме стоит рядом с девушкой. Фотография пожелтевшая, изрядно обсыпавшаяся, с короткой надписью: «Май 1941 года». Позднее я часто смотрел на эту фотографию, всматривался в черты лица дяди и, признаюсь, никакой схожести с собой не находил.

Но любовь, я уверен, сильнее наших представлений...

Я редко надевал кипу. Первый раз надел ее в день своего тринадцатилетия. Второй раз – когда не стало бабушки. Мне было девятнадцать. Девятнадцать было и Рувиму. Его портрет, грубовато дорисованный фотохудожником, висел на сырой стене нашей крохотной комнаты. Каждый год в один из дней ноября бабушка снимала со стены портрет, проводила по лицу своего первенца белоснежным платком и что-то очень тихо произносила. Я почти никогда не мог расслышать слов, но понимал, что сегодня день поминания ее сына, моего дяди, пропавшего на фронте без вести...

Для бабушки утро начиналось раньше. Она набирала в плоский таз песку, ставила его на пол, устанавливала там свечу, зажигала ее и садилась рядом с портретом сына.

Она произносила его имя! Она обращалась к нему!

С пронзительной ноткой печали и горести она спрашивала, где же покоится его тело – такое прекрасное тело и такое неповторимое! Тело ее старшего сына, родного и любимого, и почему же он оставил ее, одинокую и несчастную, горевать в этом старом дворике, и почему же он никак не позовет ее в ту даль, не заберет ее и не успокоит, наконец, ее душу...

Она плакала, и слезы медленно катились по ее щекам. Плакала и мама, старшая сестра едва сдерживала рыдания, дед, зажав в руке Тору, медленно покидал двор, а отец сидел на покосившемся стуле и, опустив голову, тихо всхлипывал.

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Во двор, одна за другой, входили женщины. Они несли с собой портреты своих близких, которых забрала война, садились рядом с бабушкой, ставили в таз с песком принесенные свечи и, подхватив плач бабушки, вспоминали своих родных и близких. К ним присоединялись соседки, и их голоса слышны были далеко за пределами нашего двора.

Голоса плачущих женщин и десятки зажженных свеч – моя память хранит это и сегодня...

Так было каждый год, и никто тогда не мог мне объяснить, обычай это среди горских евреев или нет. Только позднее, уже здесь, в Израиле, когда я поехал в Ор-Акиву встретиться с сестрами моей мамы, одна из них, Турюндж, веселая и боевая, легкая на подъем и острая на язык, обняла меня, расцеловала и громко, нараспев, произнесла имя моей мамы. Сын Аснат приехал, сказала она, точнее, почти пропела, и глаза ее наполнились слезами. Во дворе, за большим, накрытым столом сидели женщины. Одна из них, видимо, профессиональная плакальщица, сразу подхватила слова моей тети, и я невольно вспомнил один из ноябрьских дней моей юности...

...Бабушки не стало летом, в июле. Она задышалась в сырых комнатах, поэтому в нашу бакинскую жару спала во дворе, на раскладушке, лежала на высоких подушках, защищенная густой листвой виноградника. Ее душила астма, а душевная боль не давала покоя. В этот день я вернулся поздно – за полночь. Над нашим крыльцом горела лампочка, и во дворе было тихо. Я подошел к раскладушке, сел рядом, взял ее руку в свою. Она улыбнулась, погладила меня по щеке и сказала, что устала и что ей пора уходить. Я хотел что-то сказать, возразить, но она жестом остановила меня. Сказала, чтобы я помогал сестре, чтобы я учился, чтобы я оправдал надежды, не давал в обиду мать и был внимателен к отцу. И еще, сказала она и вздохнула, найди, пожалуйста, могилу дяди, могилу Рувима. Ведь не бывает так, сказала она, чтобы человек действительно пропал без вести. Война войной, а у человека должна быть могила. Найди и положи от меня камешек. Вот этот. Она вложила в мою ладонь маленький камешек и посмотрела мне в глаза. У нас, у евреев, добавила она, такой обычай...

Она покинула этот мир так, как покидают праведники – во сне.

Не помню когда, но гораздо позднее во мне утвердилась мысль, что есть все же над нами некое Высшее Существо, которое мы называем Богом или Всевышним. И Он, этот Бог, един и для иудеев, и для мусульман, и для буддистов, и даже для таких, как я – атеистов. Поэтому я и хранил камешек и старый тфилин, потому что верил и надеялся.

Поиски могилы дяди Рувима я смог начать только через семь лет после смерти бабушки, когда стал студентом одного из московских ВУЗов. Но это уже другая история.

ПАМЯТИ ДЯДИ...

Мой старый бакинский двор. Точнее, наш. Его уже нет, и он принадлежит памяти – моей, моей сестры, всех тех, кто жив, и тех, кого уже нет с нами. Он был удивительным, наш бакинский двор! Добрым, приветливым, тенистым, прохладным и, конечно же, гостеприимным... Пожалуй, как и все старые бакинские дворы. Да и соседи сохранились в памяти неповторимым теплом, и тем человеческим светлым и радушным отношением, которого не встретишь, как мне кажется, ни в каком другом городе.

Дядя Агаси Гейбатов был очень уважаемым человеком нашего двора. И не только двора. Немногословный, спокойный, неторопливый, он с удовольствием возвращался в свой дом, с улыбкой на лице здоровался с соседями и очень любил поговорить со мной и со своим сыном, самым близким моим другом детства. Фронтовик, прослуживший в разведроту с сентября 1941

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

года, он был трижды ранен, а после контузии зимой 45-го комиссован. Он никогда нам не рассказывал о войне. Никогда. И не очень любил смотреть фильмы, посвященные Великой Отечественной войне. В такие минуты, когда многие сидели у стареньких телевизоров, он садился рядом с моим отцом, закуривал и просил его рассказать какой-нибудь анекдот. Мой отец умел рассказывать анекдоты...

Когда не стало бабушки, дядя Агаси, друг ее старшего сына Рувима, вместе с которым он ушел на фронт, стоял над ее могилой долго. Стоял даже после того, как все разошлись, хотя у евреев так не полагается. Он стоял, склонив голову, и я вместе с его сыном, находясь на некотором расстоянии, заметили на его лице слезы. Плачущим дядю Агаси Гейбатова я больше никогда не видел. Только спустя много лет я услышал от этого замечательного человека слова, которые запомнились навсегда, на всю мою оставшуюся жизнь.

В августе 74-го года меня провожали в Москву на учебу. Провожали не только родные, провожали все соседи, всем двором. Дядя Агаси подошел ко мне и тихо произнес:

– Я знаю, что ты будешь искать могилу Рувима. Хочу, чтобы ты знал. Я тоже искал. Попытался хоть что-то узнать. Писал во все архивы и всегда получал один и тот же ответ – пропал без вести. Но ты никому не верь и никого не слушай. Познакомься с фронтовиками и поговори с ними. Хоть кто-то из них может знать...

Что-то дрогнуло в его лице, и он тихо добавил:

– Никогда не прощу себе, что жив...

...9 мая 1975 года, в день 30-летия Победы, я был у фонтана напротив Большого театра. На груди у меня висело большое, написанное вместе с однокурсниками объявление, которое гласило, что я ищу своего дядю, Абрамова Рувима, 1921 года рождения, ушедшего на фронт в звании младшего лейтенанта в сентябре 1941 года и пропавшего без вести. Далее был указан номер полка. В правой руке я держал едва сохранившуюся фотографию, на которой мой девятнадцатилетний дядя стоял рядом с девушкой.

Со мной были двое моих однокурсников – Матти Гешоннек, немец из Восточного Берлина, сын выдающегося немецкого актера Эрвина Гешоннека, и Юра Лифанов, детдомовец из Новокузнецка. В общежитии мы жили в одной комнате. Они оба стали мне дорогими и близкими людьми, оба в моем сердце и в памяти, и оба достойны отдельного повествования...

Хочу обратиться к читателю. Поверьте! Я в течение полутора часов пытался несколько раз написать о том, что происходило на этой площади, какая там царила атмосфера единения и братства! Я пытался написать, как подходили ко мне люди – и фронтовики, и просто празднично одетые москвичи, что говорили мне, какие произносили слова, как успокаивали и обнадеживали, как угощали и рассказывали о себе, о своих боевых товарищах, плакали вместе со мной и смеялись и ни на минуту не оставляли меня одного...

Я пытался, поверьте! Но не получилось. Не смог преодолеть этот душевный ком любви и искренности воспоминаний. Может быть, я стал слишком сентиментальным. Наверное...

Несколько лет назад я был в Москве, побывал и во многих других городах. Не скрою, люблю Россию! И как же было обидно и больно видеть практически повсеместное равнодушие чиновников к оставшимся в живых фронтовикам.

Не хочу сейчас об этом. Вернемся в семидесятые. Три года в день Великого Праздника я встречался с фронтовиками, но никто ничего не знал. И только 9 мая 1978 года совершенно неожиданно ко мне подошел человек в гражданской одежде с планками орденов и медалей на груди и сказал буквально несколько слов.

– Это было под Можайском. Полк, где служил твой дядя, был соседним. Мы попали в окружение. Около 700 тысяч солдат и офицеров. Моему полку удалось выйти, удалось выжить. Только потом я узнал, что осталось в живых 68 тысяч. Остальные там. У Дорохова, Тучкова,

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Кубинки и Голицына... Там нет фамилий, парень, там братские могилы, старые и заброшенные...

...Я поехал в Дорохово, нашел братскую могилу с обелиском и потускневшей звездой. У основания скромная надпись гласила: «Павшим защитникам Родины». И всё!

И всё!

Я понимал, что нет смысла ехать в Тучково или Голицыно, потому что там такие же старые обелиски с отбитыми краями и потускневшими звездами.

Я достал из наплечной сумки камешек и положил у основания обелиска. Собрал немного земли, положил в матерчатый мешочек, где и сегодня храню тфилины, и зашагал к автобусной остановке.

Я возвращался в Москву, возвращался в столицу своей Родины!

И отныне я знал, что где-то здесь, на этой земле, от Можайска до Москвы, защищая свой дом, отдал свою жизнь, как и многие тысячи его ровесников, мой дядя, молодой парень, бакинец Рувим Абрамов...

Еврейское кладбище в Баку.

Есть места, где тишина и тихое, немногословное общение предполагаются сразу, это кладбище, которое люди посещают редко, или не так часто, как хотелось бы. Люди идут к могилам родных и близких по определенным календарным дням и по дням памятным. Памятным для души, для сердца и еще для чего-то очень важного, глубоко личного, того, что человек никогда и никому не говорил и что пытается сказать тому, кого уже нет рядом, сказать слова, которые не успел сказать, не успел произнести, легкомысленно оставив на завтра или на лучшие времена.

Как часто и запоздало мы осознаем это и, оставшись наедине с собой, пытаемся справиться с тоскливо-щемящим чувством вины и, едва сдерживая слезы, шепчем невнятные слова молитвы, которых не знаем и к которым порой высокомерно не прислушиваемся.

Вместе с семьей, женой и двумя детьми, я уехал из родного Баку в июле 1990 года. Мать осталась с сестрой, ее многочисленными домочадцами, которые искренне любили ее, ухаживали за ней и никогда не оставляли одну. Мама болела – изношенное сердце часто напоминало о себе острой болью и учащенным дыханием. Я приехал прощаться. Она поднялась на кровати, и я присел рядом. Она смотрела на меня чуть подслеповатыми, удивительно красивыми зеленовато-карими глазами и улыбалась. Мамина улыбка всегда казалась мне загадочной и чуть ироничной, а взгляд печальным и таинственно бездонным, какой бывает пропасть, куда страшно и тревожно заглядывать.

...Мама не стало в первых числах февраля. Ее похоронили на старом еврейском кладбище, что в Баку у Волчьих ворот. В мою съемную квартиру, которая находилась в Яффе, приехали родственники со стороны отца и родные сестры мамы, жившие в Израиле с 1978 года. Каждый день я ходил в синагогу, несколько раз читал кадиш, затем возвращался, слушал разговоры родственников, вечерами выходил выгуливать своего чудесного бассет-хаунда в парк через дорогу, садился на скамейку и курил. Я был растерян и подавлен неожиданно возникшей во мне пустотой, чувством одиночества и незащищенности. Я курил одну сигарету за другой, пытаюсь найти в себе хоть какую-то опору, некую мысль, которая дала бы надежду, и совершенно не понимал странного чувства беспокойства, которое не оставляло меня более месяца. Понимание этого пришло неожиданно, ночью, когда я сидел за письменным столом, на котором покоилась пишущая машинка, и был, что называется, в вакууме одиночества, в вакууме эмигрантского пространства, в пустоте безвременья, выброшенной за борт и никому не нужной личностью. Беспокойство это было чувством бесконечной вины перед мамой. Вины, ничем не объяснимой, ничем не подтвержденной, ничем не оправданной, потому что вина эта

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

есть и существует только потому, что она моя мама, одна-единственная, которую я по каким-то причинам не смог защитить, не смог уберечь и не смог отвести от нее страшную болезнь.

Боль, мучительная и острая, возникла где-то внутри, сдавила диафрагму, на какое-то мгновение сковала все мышцы и отпустила. Боль прошла, а чувство вины осталось. Теперь уже навсегда...

Впервые после отъезда мне с женой удалось приехать в Баку спустя 17 лет – в начале сентября 2007 года. Слишком много обстоятельств не позволяли сделать это раньше. Старый двор оставался таким же, старым и доживающим свой век, а город вокруг был уже другим – современным, ярким, многоликим, чуточку чужим и все равно родным и близким.

На следующий день мы поехали на кладбище. Сестра, как всегда, помнила каждую тропинку и каждый поворот между старыми и новыми захоронениями и шла чуть впереди, что-то рассказывая мне и оглядываясь. Мы подошли к ограждению и остановились. Здесь было несколько могил очень близких и родных мне людей. С надгробного черного камня на меня смотрели печальные глаза моей мамы. Я подошел к могиле, приложил к губам пальцы, затем этими пальцами коснулся лица мамы, и мне показалось, что взгляд ее печальных глаз стал теплее и уголки ее губ едва дрогнули.

Не знаю, когда и где родилась эта традиция касаться могил родных и близких так, как мы делаем, соприкасаясь с мезузой, но только у нас, у горских евреев есть этот, на мой взгляд, удивительно нежный и глубоко душевный обычай – передавать свою живую нежность тем, кого помним и кого искренне любили. Может быть, поэтому Всевышний и хранит нас, дает нам новые силы для борьбы и единства, неустанно и трепетно оберегая души наших усопших.

Тогда, стоя у могилы мамы, я об этом не думал – я просто плакал...

Георгий Плотников. Вишня. Оргалит, масло, 50 x 60, 2008 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

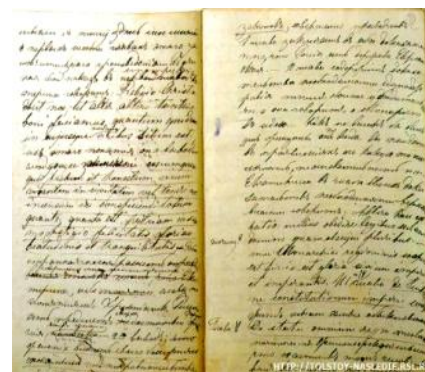
Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

ОНА ШЛА ПО ЖИЗНИ

**«...ПО-МУЖСКИ УВЕРЕННО
И ПО-ЖЕНСКИ ВЛЮБЛЕННО,
СЛУЖА КИНЕМАТОГРАФУ,
КАК ГЛАВНОМУ ДЕЛУ СВОЕЙ ЖИЗНИ».**

О заслуженном кинодраматурге Зиновии Маркиной

Вместо предисловия

Недавно в нашем поселке Московский писатель, что расположен во Внукове как раз между Изваринской церковью и усадьбой конфетного магната Абрикосова⁴, встал вопрос о том, что пора бы написать книгу – художественный справочник – о тех деятелях искусства, которые проживали в поселке с его основания и благодаря которым Московский писатель и был образован. Про Переделкино написаны горы книг, а про соседствующее Внуково, как оказалось, ничего нет. И решили мы тогда восстановить справедливость и инициировать работу над книгой о жителях Внуково. Однако дело это не быстрое и не легкое, и можно только лелеять надежду, что наш общий труд рано или поздно появится на свет. А пока мы начали собирать материал про наших аборигенов – бабушек и дедушек, которым за заслуги в области культуры и искусства в 1934 году по распоряжению Сталина была выделена земля под дачное строительство. Среди них были легендарные Г. Александров и Л. Орлова, Л. Утесов, И. Ильинский, И. Дунаевский, Ю. Милютин, В. Гусев, Е. Долматовский, А. Сурков, С. Образцов, З. С. Маркина и др. И в результате застройки образовался поселок Московский писатель.

Изучая домашние архивы и приступая к написанию статьи для книги, я на всякий случай заглянула в интернет, чтобы понять, что же в мировой паутине имеется про нашу бабушку Зиновию Семеновну Маркину. Но, к своему разочарованию, обнаружила лишь скудные обрывки справочных данных, да и то лишь примерных. Это меня расстроило, так как есть все основания считать, что бабушка была не только фигурой легендарной в кругу нашей семьи и в творческо-профессиональном сообществе, но и являлась яркой звездой в истории российского кинематографа благодаря своим многочисленным творческим заслугам, и это, бесспорно,

⁴ <http://www.ceo.ru/news/business/legenda/konditerskaya-dinastiya-abrikosovyh>

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

должно быть увековечено в энциклопедиях и справочниках. Именно полное отсутствие информации, граничащее с забвением ее имени, и побудило меня опубликовать статью в народной энциклопедии – Википедии.

В 2004 году я написала небольшое эссе «В память об атлантах», посвященное 105-летию Зиновии Маркиной, где очень скромно и почти неловко постаралась приоткрыть узкую щелочку в тот дивный и противоречивый мир, в котором я была лишь ребенком, до конца не осознающим «атлантической» мощи людей в бабушкином окружении. И вот теперь, подняв архивы, проанализировав длинный творческий путь нашей Зины и сделав множество поразительных открытий, я с уверенностью могу сказать, что статья в Википедии и собранный материал для будущей книги о Внучке лишь начало того увлекательного путешествия, которое мне предстоит.

А предстоит обязательно, потому что нет теперь никакой возможности отбросить этот семейный пазл в сторону. Я начала складывать его из архивных записей, писем, выдержек о Зиновии и ее эпохе из различных мемуаров современников – собирать по крохам, по крупичкам, по обрывкам воспоминаний, моих собственных и других родственников. Работа эта дает мне, как писателю и исследователю, а затем, уверена, предоставит и читателям возможность узнать – в лице нашей Зины – о величии людей, стоящих у истоков русской культуры первой половины XX века, об их беспредельной искренности и самоотдаче, понять многие сложности и противоречия того непростого исторического периода жизни.

Но пока давайте все же начнем с начала, а точнее, с общей информации, чтобы было понятно, о ком идет речь.⁵

Зиновия Семеновна Маркина (14 ноября 1904 г., п. Колпино Санкт-Петербургской губ. – 02 марта 1992 г., Москва) – актриса, кинодраматург, член Союза писателей СССР с 1946 года, Союза кинематографистов СССР с 1957 года (входила в Оргкомитет), Литературного фонда СССР с 1941 года. Лауреат Сталинской премии 2-ой степени (1941), награждена медалями. Дипломант Международного кинофестиваля по медицине и санитарии в Каннах «За лучший сценарий по теме “Защита материнства и детства”» (1957). Автор более 70 сценариев к художественным, научно-популярным и учебным фильмам.

Зиновия родилась 14 ноября 1904 году в посаде Колпино Санкт-Петербургской губернии. Отец ее – Семен Николаевич Маркин – был родом по отцу из богатой семьи Кондауровых. Это не помешало ему отслужить в армии, а позже изучать литейное дело, работать литейщиком, отливать для крейсеров винты и якоря, под конец жизни он преподавал литейное дело в техникуме. Умер Семен в возрасте 54 лет от воспаления легких. Мать Зиновии – Прасковья Егоровна⁶, в девичестве Прокахина (1882–1970), – была из бедной семьи рабочих игольной

⁵ Здесь приведен текст о Зиновии Семеновне Маркиной на основе статьи в Википедии, адаптированной для МВ (примеч. авт.).

⁶ В семье прабабушка Паша, которую я застала и неплохо помню, была Прасковьей Георгиевной, и то, что она Егоровна, я узнала лишь из семейных архивных записей. Очевидно, допустимо было изменить «Егоровна» на «Георгиевна» в рамках вариантов одного имени (примеч. авт.).

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

фабрики, кроме нее в семье было еще три дочери. Несмотря на бедность, все девочки окончили церковно-приходскую школу и были от природы очень любознательны. Родители умерли рано из-за силикоза легких – профессионального заболевания, которым страдали многие рабочие этой фабрики. Сестры Прокахины остались сиротами без средств к существованию и жили очень тяжело.

После знакомства и последующего замужества Прасковья переехала жить в дом матери Семена и взяла на себя ведение хозяйства, чему мать Семена была чрезвычайно рада. В 1904 году у молодых родилась дочь Зиновия, а через пять лет, в 1910 году, Семен с Прасковьей и дочерью переехали в Гельсингфорс (Хельсинки) в Финляндию, которая тогда входила в состав России. В возрасте 6 лет Зина пошла в Мариинскую гимназию для девочек, где преподавали гуманитарные науки, иностранные языки, а также рукоделие, рисование, музыку, пение и танцы. Устроить дочь в гимназию было очень сложно, так как детей рабочих туда не принимали, однако Прасковье это сделать удалось и маленькая Зина отучилась там три начальных класса. Бабушка прекрасно запомнила эти годы учебы и потом рассказывала нам о своей непростой школьной жизни. С 1870 года гимназия размещалась в школьных помещениях купца Никифора Табунова (1803–1868), оставившего значительный след⁷ в истории русской образовательной системы в Финляндии.

Зиновия, 14 лет

Через три года семья переехала в Воронеж, где в 1913 году родилась вторая дочь – Серафима. В воспоминаниях Ольги Бобылёвой, нашей тети и дочери Зиновии Маркиной, говорится: *«Дед Семен был голубоглазый блондин, а бабушка Паша, наоборот, кареглазой и темноволосой, словно цыганка. Вот и сестры были темненькой и светленькой: Зина пошла в мать, а Сима – в отца».*

Наступил 1917 год, семья Маркиных всё еще проживала в Воронеже и была свидетелем того, как город неоднократно переходил из рук в руки Красной и белой армии. *«Мы с Симой прятались в подпол, – вспоминала Зина. – Мне было тогда 13 лет. Я хватала на руки плачущую Симу, прижимала к себе, чтобы крик ее не был слышен солдатами, и хоронилась в подвале, в подполе. Так и жили. В один день придут красные, на другой – белые».*

В 1922 году Зиновия поступила на правовое отделение факультета общественных наук одного из ведущих классических университетов России – Воронежского государственного университета (ВГУ), который окончила в 1924 году. Именно тогда она познакомилась с писателем Андреем Платоновым и его окружением. Когда в 1951 году Андрея Платонова не станет, бабушка напишет о нем свои воспоминания, которые опубликуют в «Воронежской коммуне».

⁷ См. историю Табуновской школы https://ru.wikipedia.org/wiki/Табуновская_школа

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

В 1922 году Зиновия руководила детским «очагом» губернского отделения профсоюза советских работников. А уже в 1923 начала выступать на сцене «Театра вольных мастеров».

Театр заслуживает отдельного рассказа. Существовал он в Воронеже с октября 1923 года по апрель 1924 года. Считается, что создателем «Театра вольных мастеров» был театральный режиссер Владимир Люце, который вместе с группой молодых актеров в течение двух лет гастролировал по провинции, пропагандируя новое революционное искусство. Режиссером воронежского театра был Арсений Григорьевич Ридаль. От актеров требовалось владение техникой речи, пластикой, акробатикой. Новаторские тенденции проявлялись и в сценографии «Театра вольных мастеров», с которым, в частности, связаны начальные опыты Вадима Федоровича Рындина, будущего народного художника СССР и главного художника Большого театра Союза ССР. В 1918 – 1924 годах Вадим Федорович проживал в Воронеже и учился в Свободных художественно-технических мастерских. В Театре же Рындин оформлял спектакли «Ревизор» Гоголя и «Гамлет» Шекспира в постановке Арсения Ридалья. Бабушка, которая, ко всему прочему, прекрасно рисовала, не только играла на сцене театра, но и работала в художественной мастерской Вадима Федоровича Рындина. К сожалению, несмотря на популярность, театр вскоре прекратил свою деятельность из-за материальных трудностей.

**Артисты «Синей блузы».
Воронеж, 1925 г.**

**Зиновия Маркина на спектакле «Синей блузы»,
1926 г.**

После закрытия «Театра вольных мастеров» Зина приняла непосредственное участие в организации в Воронеже деятельности другого небезызвестного коллектива «Синяя блуза». Спектакли «Синей блузы» были в молодом государстве очень популярны и представляли собой массовое искусство. О «Синей блузе» написано немало статей и исследований (см. список литературы). Выступления носили агитационный характер и объединяли в своих рядах в качестве участников большое количество талантливых молодых писателей, поэтов, драматургов. Среди них были Василий Лебедев-Кумач, Виктор Гусев, В. Я. Типот, Семен Кирсанов, Николай Адуев, основатель театральной студии Мастерской Фореггера (Мастфор) на Арбате Николай Фореггер, будущий композитор Юрий Милютин, композиторы Семён Гальперин, М. И. Блантер, С. А. Кац, Д. Я. Покрасс, и еще многие другие. В Воронеже, в рамках программ «Синей блузы», неоднократно выступал Владимир Маяковский, приезжал и Юрий Олеша.

**Зиновия Маркина
с дочерью Ольгой, 1930 г.**

В 1925 году Зиновия вышла замуж за Бориса Бобылёва, воронежского поэта, писателя и журналиста из платоновского окружения. Как журналист он сотрудничал с изданием «Воронежская коммуна», где освещал выступления Андрея Платонова в клубе «Железное перо». По некоторым данным, он работал позже у Платонова секретарем. В августе 1920-го, когда возмущенная общественность громила «Чульдика и Епишку» Андрея Платонова, Борис Бобылёв вместе с Платоновым и другим воронежским писателем Бунтарем вошел во временное правление вновь образованного воронежского отделения Союза пролетарских писателей.

В 1927 году у Зиновии и Бориса родилась дочь Ольга, которая впоследствии станет замечательным сценаристом и напишет более 80 работ для научно-полуярных фильмов, посвященных здравоохранению.

В тот же год молодая семья вместе с Прасковьей Георгиевной и маленькой Ольгой переехала в Москву.

К этому времени за плечами Зиновии был уже большой опыт театральной и общественной деятельности. Именно он и помог ей в 1928 году поступить в Москве в первую в России и в мире Госкиношколу (техникум), ставшую впоследствии Институтом кинематографии⁸, на факультет кинонатурщиков (актеров). Она училась у режиссеров В. Р. Гардина⁹, Л. В. Кулешова¹⁰, сценариста О. Л. Леонидова и др. Тогда же она написала сценарий к фильму «Станица дальняя», который был снят позже. В 1929 году по рекомендации преподавателей Зиновия перевелась на сценарный факультет, созданный в том же году одновременно с кафедрой драматургии, который окончила с отличием в 1931 году, став первой выпускницей сценарного факультета и первой в СССР женщиной-кинодраматургом.

Зиновия Маркина, кинопробы, фото разных лет

⁸ **Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК)**, основан 1 сентября 1919 года в Москве.

⁹ **Владимир Ростиславович Гардин (1877–1965)** – советский российский актер, театральный режиссер, кинорежиссер, сценарист, педагог, мастер художественного слова (чтец). Народный артист СССР.

¹⁰ **Лев Владимирович Кулешов (1899–1970)** – советский актер немого кино, кинорежиссер, сценарист, теоретик кино. Народный артист РСФСР.

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

В те годы семья проживала в самом центре Москвы в двух съемных комнатах дома архитектора И. П. Машкова. Дочь Зиновии, Ольга Борисовна Бобылёва, потом написала в своих воспоминаниях: *«Иван Павлович Машков имел право брать деньги за комнаты в тех домах, которые сам проектировал. И однажды встретив во дворе мать, сказал: «Голубчик, я слышал, что вы начинающий сценарист, а муж ваш – журналист. Денег за комнаты брать не буду».*

В 1930 году Зиновия и Борис развелись. Борис сильно переживал развод, но затем, спустя несколько лет, женился на М. Б. Журавской, которая работала у него редактором, и прожил с ней до 68 лет. После смерти второй жены Борис Андреевич вернулся в нашу семью, к Зине, и остаток жизни провел с дочерью Ольгой. Наша семья его прекрасно помнит.

За годы творческой деятельности Зиновия Семеновна стала автором более 70 сценариев к художественным, научно-популярным и учебным фильмам. Работала со сценаристами М. Витухновским, С. Герасимовым, Л. Кацовичем, А. Тарасовым, Е. Ивановым-Барковым, Л. Резниченко и др.

Все сценарии З. С. Маркиной были написаны по государственным заказам, а потому имели целевое назначение. В 1930 году были написаны сразу две работы: «Две матери» и «Станица дальняя».

*Рабочий момент, съемки.
Зиновия Маркина в центре*

*Съемочная группа. Ялта, 1928 г.
З. Маркина справа в темном платье*

В конце 1931 года в соавторстве с Л. Резниченко был написан сценарий к фильму «Большие будни», повествующему о борьбе колхозников с кулаками в горных районах Крыма. В 1935 г. вышел фильм «Последний табор», который сразу приобрел большую известность и популярность. Перед создателями фильма была поставлена непростая и необычная задача – показать сложный процесс вступления вольных цыган в колхоз. Сюжет отличался динамикой и неожиданными поворотами сюжета. Чтобы тема была представлена достоверно,

молодая сценаристка Зина Маркина полтора месяца жила в цыганском таборе, собирая документальный материал о цыганской жизни. В фильме снимались уже известные тогда актеры Михаил Яншин, Ляля Черная и немецкий актер Александр Гранх, приехавший в СССР из Германии.

**Кадр из фильма «Комсомольск».
В ролях Тамара Макарова и Николай Крючков**

Не меньшую популярность и резонанс имел и следующий фильм. Уже в 1936 году Зина в составе творческой группы (Михаил Витухновский, Сергей Герасимов) начала работу над новым сценарием, и в 1938 году на экраны кинотеатров вышел знаменитый фильм «Комсомольск», который рассказывал о жизни советской молодежи. Задачей фильма было продемонстрировать, как в нелегком труде крепнут характеры молодых комсомольцев 1930-х годов, закладывающих новый город в далекой тайге. В 1939 году по сценарию Маркиной выходит лента «Молодые капитаны», повествующая о советских школьниках, мечтающих стать моряками.

А 14 сентября 1940 года состоялась уже новая премьера – фильм «Дурсун», в котором молодая колхозница Дурсун в исполнении Нины Алисовой придумала новый способ сборки хлопка, повышающий производительность в четыре раза. Ее мужа пастуха Нури сыграл Алты Карлиев. Именно за этот фильм З. С. Маркина была удостоена в 1941 году Сталинской премии 2 степени. Вслед за «Дурсун» вышли фильмы «Отважные друзья» (1941), «Освобожденная земля» (1946) о послевоенном восстановлении колхозниками разрушенного хозяйства Кубани, «Шарф любимой» (1955), «Чья это двойка?» (1957) – короткометражный фильм об ответственности родителей, «Твердый характер» (1959).

В воспоминаниях о Ольга Бобылёва пишет: *«...Мама никогда не подходила к работе формально. Каждая картина была пронесена через душу. Мама всегда знакомилась с обстановкой, когда писала. Так, она кочевала с табором, когда писала “Последний табор”; при написании “Комсомольска” жила в палатке; когда был задуман “Дурсун”, поехала собирать хлопок, собирала как могла...»*

После 1958 года бабушка работала уже в научно-популярном кино. Кинолента «Зачем я это сделала?» была отмечена дипломом «За лучший сценарий по теме “Защита материнства и детства”» («Золотая медаль» и «Хрустальный кубок») на Международном кинофестивале по медицине и санитарии, проходившем в Каннах в 1957 г.

Награды

- 1941 — Лауреат Сталинской премии 2 степени за фильм «Дурсун»
- 1946 — Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»
- 1948 — медаль «В память 800-летия Москвы»
- 1970 — медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»
- 1981 — медаль «Ветеран труда»

«...Экран свидетельствует о том, что свой путь в искусстве Вы начали ярко, звонко и талантливо, -- говорится в поздравлении Союза кинематографистов СССР З. С. Маркиной с юбилеем в 1984 г. -- Уже несколько лет Вы идете этой дорогой -- по-мужски уверенно и по-женски влюбленно, служа кинематографу, как главному делу своей жизни.

Кино для автора -- искусство не только притягательное и радостное, но и безжалостно-требовательное и порой неблагоприятное. Фильмы проносятся по экранам, атакуя зрителей, и исчезают часто в небытии. Но если в благодарной памяти зрителей продолжают много лет жить такие картины, как «Комсомольск», «Станица дальняя», «Последний табор», «Дурсун» и др., то это высшая похвала автору. В годы Великой Отечественной войны, побывав в районах, освобожденных от врага, Вы создали сценарий кинокартины «Освобожденная земля», также

приобретшей заслуженную известность. Мы ценим Вашу помощь в становлении кинематографии Туркмении и Узбекистана. Особый поклон Вам и благодарность за неутомимую общественную деятельность».

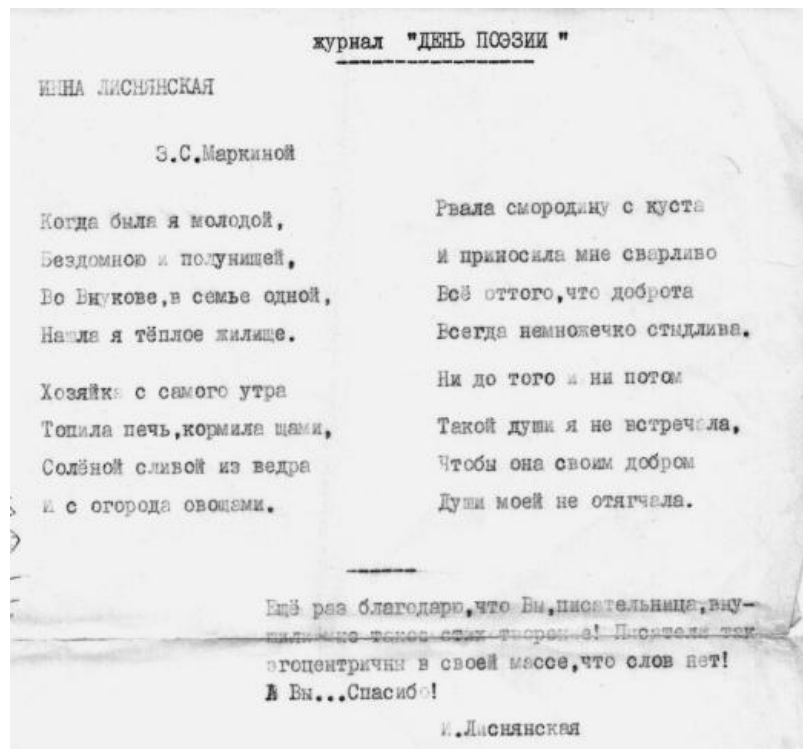
А общественную деятельность наша бабушка вела огромную и была в этом неутомима. Она стояла у истоков создания Профессионального комитета московских драматургов в 1932 году. В военные годы она была на всех «фронтах». В 1941 г. руководила эвакуацией жен и детей членов Московского комитета драматургов (МКД) в Ташкент. Затем занималась и реэвакуацией. Эта работа требовала нечеловеческих моральных и физических сил. Об этом рассказывают благодарственные письма от членов МКД¹¹, направленные в послевоенные годы в ее адрес в правление Московского комитета драматургов. В эти же годы Зинина дача во Внукове – наше нынешнее фамильное имение – была занята частями Красной армии (РККА). *«Были дни во время Великого наступления, — пишет Зиновия Маркина в письме заместителю председателя Моссовета Яснову М. А. – когда я вместе с бойцами разбирала террасы, забор, срывала двери и бросала все это под тяжелые машины, которые шли мимо нашего дома, поднимаясь в крутую гору, они буксовали. Паркетные щиты были сняты для занятий по стрельбе».*

В 1957 году Зиновия входила в Оргкомитет Союза кинематографистов СССР и участвовала в его создании на Учредительном съезде в 1965 г.

Зина сделала много добра людям, помогая в трудную минуту не только словами поддержки и дельным советом, но и деньгами, связями, открывала двери своего дома в Москве и во Внукове. В 60-е годы на даче у Маркиной гостила советская поэтесса Инна Лиснянская, которая посвятила бабушке стихотворение *«Когда была я молодой, // Бездомною и полунищей...»* о своей жизни во Внукове.¹²

¹¹ В семейном архиве имеются письма Н. П. Абрамова, В. П. Спешневой, И. В. Бахтерева, А. В. Спешнева, Б. Старшева, Р. Пхора и др.

¹² Стихотворение И. Лиснянской было опубликовано в журнале «День поэзии».

Зина была человеком широкого кругозора, неиссякаемой энергии, неутомимой труженицей на благо людей. Воплощая общую заветную мечту об объединении творческой интеллигенции под одной крышей, она явилась инициатором и организатором строительства, а также первым председателем ЖСК «Драматург» – кооперативного многоэтажного дома у станции метро «Аэропорт» в Москве.

В воспоминаниях о Зиновии и ее муже Александре Разумовском¹³ Алексей Дмитриевич Симуков¹⁴ пишет: «...В общем, спустя немалое время мы прибыли в Ташкент. Встречала нас Зина Маркина. О, это была женщина-динамит, так я ее прозвал. Она организовала отправку первого эшелона с нашими семьями, она помогла устройству всех и теперь. По профессии сценаристка, автор сценария известного фильма «Комсомольск», она легко справлялась с трудностями, обрушившимися на каждого из нас. Впоследствии она прославилась тем, что построила в Москве на улице Усиевича прекрасный многоэтажный дом, там теперь на первом этаже – Литфонд».

В 1984 году в день 80-летия Зиновию Семеновну поздравили соседи и Правление ЖСК «Драматург»: «Нам – вашим соседям и друзьям по ЖСК «Драматург» – особенно дорого то, что Вы были основательницей и вдохновительницей строительства нашего общего прекрасного дома и по сей день остаетесь его душой... над входом по праву следовало бы выбить большими буквами Ваше имя».

¹³ **Александр Владимирович Разумовский** (1907 — 1980), писатель, драматург, сценарист, режиссер. Член Союза писателей СССР. Автор сценариев около 60 научно-популярных, документальных и учебных фильмов. Лауреат Сталинской премии 2 степени (1951).

¹⁴ **Алексей Дмитриевич Симуков** (1904 — 1995) — советский драматург, киносценарист. Автор многих пьес и киносценариев, ведущий семинаров в Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей СССР, Союза театральных деятелей РФ, Союза кинематографистов СССР.

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Бабушка умерла 6 марта 1992 года в Москве в возрасте 87 лет. Похоронена на Новодевичьем кладбище (участок № 2, захоронение № 1-4). Память о ней всегда будет жить в нашей семье.

Мы помним тебя, Зина!

**З. С. Маркина в своем кабинете
в московской квартире, 1983 г.
(ЖСК «Драматург» у станции метро «Аэропорт»)**

Фильмография (художественные фильмы¹⁵)

- 1930 — **Станица Дальняя**
- 1932 — **Две матери** (в соавторстве)
- 1931—1932 — **Большие будни** (совм. с Л. Резниченко, по собств. либретто)
- 1935 — **Последний табор** (совм. с М. Витухновским)
- 1938 — **Комсомольск** (совм. с М. Витухновским, С. Герасимовым)
- 1939 — **Молодые капитаны** (совм. с М. Витухновским)
- 1940 — **Дурсун** (совм. с М. Витухновским, реж. Е. Иванов-Барков)
- 1941 — **Отважные друзья** (совм. с Л. Кацовичем)
- 1946 — **Освобожденная земля** (совм. с А. Тарасовым), Свердловская киностудия
- 1955 — **Шарф любимой** (совм. с Е. Ивановым-Барковым)
- 1957 — **Чья это двойка?** (короткометражный)
- 1959 — **Твердый характер** (короткометражный)

¹⁵ Большую часть фильмов можно найти в интернете и посмотреть.

Московский BAZAR № 3 (25) 2017 г.

Литература

Искусство кино, 1936, № 11; сб. «Книга сценариев», Госкиноиздат, М., 1938

Сценаристы советского художественного кино, 1917—1967, справочник, изд-во «Искусство», М., 1972, стр.222

З. С. Маркина. Письмо заместителю председателя Моссовета Яснову М. А., архив

З. С. Маркина. Письма, архив 1948 г.

О. Бобылёва. Воспоминания о матери (архивные записи)

О. Грушевская. В память об атлантах. К 105-летию З. С. Маркиной

А. Симуков. «Чертов мост, или Моя жизнь как пылинка Истории: (записки неунывающего)»
Альбом «Синяя блуза СССР», М., 1928

Народный театр «Синяя блуза». Комментарии и фотографии

Е. Д. Уварова. История «Синей блузы»

Георгий Плотников. Вечер. Оргалит, масло, 50 х 60, 2007 г

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

ПЕРЕВОДЫ

О тебе

(вольный перевод XVIII сонета У. Шекспира)

Могу ль сравнить тебя я с летним днем?
Ты совершенней, мягче и прекрасней...
Уходит лето – прорастет быльем.
От силы ветра жить цветок не властен.

И золотой небесный яркий глаз
Сегодня светит, завтра – затуманен,
А значит, мира красотой подчас
Играет случай в зрительном обмане...

Но с вечной жизнью ты обручена,
И смерти тень в бессилии, конечно.
Мне ж вдохновеньем эта власть дана:
Восславить красоту твою навечно.

Пока поют и дышат в этом свете,
Живет поэт, а ты – звучишь в сонете...

Сонет XVIII

У. Шекспир

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date;
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimmed;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course untrimmed:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall Death brag thou wand'rest in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st.
So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this, and this gives life to thee.

Георгий Плотников. Крокусы.
Картон, масло, 50 x 60, 2007 г.

Пес, женщина и дождь...

Сон, беспокойно-рваный, с отголосками
 Дождя, что заливает старый двор...
 Спит женщина одна длинноволосая
 И пес – со странным именем Ленор.

Дождь льет сто лет, как будто так завещано.
 Две капли, обтекающих стакан,
 Пересекают отраженье женщины
 С губами, что припухшие слегка.

В такой же дождь судьбы невольным случаем
 Я прибыл в ночь на Северный вокзал.
 С тех пор одним вопросом странным мучаюсь:
 Что здесь нашел (а может, потерял)?..

И тем не менее, оставшись без претензии,
 Танцую, напеваю: «Тра-ля-ля!..»
 Пес, женщина и дождь в моей поэзии –
 Всё, что нашел в стране я... Voila...

Первые годы вашей жизни

Рассказ о ваших юных днях
 Не устаю я слушать,
 Волнует он всегда меня
 И восхищает душу...

В нем счастья отпечатан след,
 В нем таинства безбрежны,
 Разлит в тумане неба свет
 И сладостный, и нежный...

Каким цветущим берег был
 И чище вод разливы...
 Пленительных мечтаний пыл
 В них отражался живо...

И стоит вам рассказ начать
 О непонятном детстве,
 Я будто чувствую опять
 Весны своей соседство...

Un chien, une femme et la pluie

Юрий Юрченко

Sommeil, et saccadé et court,
 La pluie qui tombe dans la cour,
 Un chien au nom bizarre: «Lenor»,
 Une femme au cheveux longs, qui dort...

Il pleut depuis cent ans, sans doute,
 Et sur le verre deux petites gouttes
 Traversent lentement le reflet
 D'une femme qui dort aux lèvres enflées...

Dans une nuit, pluvieuse à mort
 Je suis tombé sur Gare du Nord,
 Je m'pose la même question depuis:
 Qu'est-ce que j'ai perdu dans c'pays?..

Pourtant toujours je reste là,
 En plus, je chante: «tra-la-la-la...»
 ...Un chien, une femme et la pluie,
 Tout c'que j'ai trouvé dans c'pays...

Des premiers ans de votre vie...

Ф. И. Тютчев

Des premiers ans de votre vie
 Que j'aime à remonter le cours,
 Ecoutant d'une âme ravie
 Ces récits, les mêmes toujours...

Que de fraîcheur et de mystère,
 En remontant ces bords heureux!
 Quelle douce et tendre lumière
 Baignait ce ciel si vaporeux!

Combien la rive était fleurie,
 Combien le flot était plus pur!
 Que de suave rêverie
 Se reflétait dans son azur!..

Quand de votre enfance incomprise
 Vous m'avez quelque temps parlé,
 Je croyais sentir dans une brise
 Glisser comme un printemps voilé

Осколки

Ты мысленно можешь проникнуть сквозь ночь
И в танце кружить с переливами звуков...
Но только не сможешь поведать одно:
В чем кроется нежность щемящей разлуки.

Идем сквозь препоны желаний с тобой,
Себя не познав, двое странных прохожих...
Свою пеленаешь ты жалость и боль,
Мою же любовь убаюкать не сможешь...

Ты духом сильна, чтобы чувства унять,
С годами от страстных порывов немея,
Блуждать одиноко, не видя меня...
И только любить меня вряд ли посмеешь...

Когда погаснет свет моих очей...

*(вольный перевод стихотворения
Эмиля Верхарна,
бельгийского поэта-символиста)*

Когда погаснет свет моих очей,
К закрытым векам прикоснись губами.
Последний взгляд, как ТАЙНУ между нами,
Поймет любовь весомее речей...

Во тьме могильной суждено застыть...
Пусть погребальный факел освещает
Твое лицо, скорбящее в печали...
Я сохраню любимые черты...

Пока не скрыт я гробовой доской,
На ложе чистом гладь мне нежно руку,
Прильнув перед последнею разлукой
Ко лбу и телу брэнному с тоской...

Чтоб уходя ко праху и золе,
Сквозь лед и холод, все пласты земные
Завидовали мертвые иные
Такой любви, не меркнувшей во мгле...

Скалки 3

Ю. Ходарченко

Ти можеш думками стрибнути у ніч.
Кружляти у танці, в мереживі звуків;
Єдине не можеш: мені віч-на-віч
Пояснення дати про ніжність розлуки.

Йдемо крізь засіки світів та бажань,
Незнані собою, чужі перехожі.
Ти можеш спинити і болі, і жаль –
Кохання моє ти спинити не можеш.

Наснаги і сили в тобі вистача:
Себе обійти й до закінчення світу,
Блукати самотньо без світла в очах.
Кохати мене ти не можеш посміти.

Из цикла «Часы»

Emile Verhaeren (1855 – 1916)

Lorsque tu fermeras mes yeux a la lumiere,
Baise-les longuement, car ils t'auront donne
Tout ce qui peut tenir d'amour passionne
Dans le dernier regard de leur ferveur derniere.

Sous l'immobile eclat du funebre flambeau,
Penche vers leur adieu ton triste et beau visage
Pour que s'imprime et dure en eux la seule image
Qu'ils garderont dans le tombeau.

Et que je sente, avant que le cercueil se cloue,
Sur le lit pur et blanc se rejoindre nos mains
Et que pres de mon front sur les pales coussins,
Une supreme fois se repose ta joue.

Et qu'apres je m'en aille au loin avec mon coeur
Qui te conservera une flamme si forte
Que meme a travers la terre compacte et morte
Les autres morts en sentiront l'ardeur!

Ночь сдавила зловещим кольцом...

Ночь сдавила зловещим кольцом.
Ужас магии неотвратим.
Ветры знобкие хлещут в лицо.
Я застыла, и мне не уйти.

Даже гнуться вокруг дерева
Под снегами ветвями в дугу.
Скоро буре во мгле воевать.
Только я убежать не могу.

Наверху надо мной облака,
А внизу безнадежность утрат,
Но не сдвинет земная тоска
Мой уход ни вперед, ни назад...

The Night is Darkening Around Me

Emily Bronte (1818 –1848)

The night is darkening round me,
The wild winds coldly blow;
But a tyrant spell has bound me,
And I cannot, cannot go.

The giant trees are bending
Their bare boughs weighed with snow;
The storm is fast descending,
And yet I cannot go.

Clouds beyond clouds above me,
Wastes beyond wastes below;
But nothing drear can move me:
I will not, cannot go.

Без границы

*(вольный перевод стихотворения
Поля Элюара)*

Притворись легкой тенью фиалки лесной,
Днем коротким в году, мимолетным и прытким,
И седую полярную ночью без снов,
И осенней порой, умирающей в пытках.

Флером роз притворись, дивных роз без
прикрас,
Мудрым жалом шипов придорожной крапивы.
Поволоку стели на лугах твоих глаз,
Будь огнем, что горит вдохновенно красиво.

Покажи, что и в пепле его, как в раю,
Где не властны теперь временные законы.
А судьбой нанесенную рану твою
Сбереги амулетом во взгляде бездонном...

Ты не бойся в кристальном наряде блистать.
От случайной слезы пусть не дрогнет ресница.
Нет секретов в молчащих влюбленных устах
В красоте твоих глаз грань любви без границы...

Tous les droits

Paul Éluard

Simule

L'ombre fleurie des fleurs suspendues au printemps
Le jour le plus court de l'année et la nuit esquimau
L'agonie des visionnaires de l'automne

L'odeur des roses la savante brûlure de l'ortie

Etends des linges transparents

Dans la clairière de tes yeux

Montre les ravages du feu ses oeuvres d'inspiré

Et le paradis de sa cendre

Le phénomène abstrait luttant
avec les aiguilles de la pendule

Les blessures de la vérité les serments
qui ne plient pas

Montre-toi

Tu peux sortir en robe de cristal

Ta beauté continue

Tes yeux versent des larmes des caresses des sourires

Tes yeux sont sans secret

Sans limites.

Я тебе говорил...

(вольный перевод стихотворения
Поля Элюара)

Я тебе говорил это слово для туч,
Для деревьев, камней на морском берегу,
Для волны, каждой птице в листве, на лету,
Для ладоней родных, что в душе берегу...
Этих глаз, отразивших знакомый пейзаж,
Сохранивших во сне неба синий цветок,
И для ночи, чей тонкий был выпит купаж,
Для решеток, лежащих у края дорог,
Для распахнутых окон, открытых ветрам...
Это все я сказал ради мыслей и слов...
Сколько ласки и нежности в жизни ни трать,
Все равно бесконечна, бессмертна любовь.

Для тебя, моя любовь...

(вольный перевод стихотворения
Жака Превра)

На рынок за птицами я поспешил
Купить для любимой подарок души.
И сам выбирал для единственной я
Средь прочих пернатых певцов – соловья.
На рынке цветов для любимой купил
Чудесную розу с далеких Антил...
На свалке железа я выбрал металл
Для цепи... В нее бы любовь заковал...
А после пошел я на рынок рабов,
Но там не нашел твое имя, любовь...

Je te l'ai dit...

Paul Éluard

Je te l'ai dit pour les nuages
Je te l'ai dit pour l'arbre de la mer
Pour chaque vague pour les oiseaux dans les feuilles
Pour les cailloux du bruit
Pour les mains familières
Pour l'oeil qui devient visage ou paysage
Et le sommeil lui rend le ciel de sa couleur
Pour toute la nuit bue
Pour la grille des routes
Pour la fenêtre ouverte pour un front découvert
Je te l'ai dit pour tes pensées pour tes paroles
Toute caresse toute confiance se survivent.

Pour toi, mon amour

Jacques Prévert

Je suis allé au marché aux oiseaux
Et j'ai acheté des oiseaux
Pour toi
Mon amour

Je suis allé au marché aux fleurs
Et j'ai acheté des fleurs
Pour toi
Mon amour

Je suis allé au marché a la ferraille
Et j'ai acheté des chaînes
De lourdes chaînes
Pour toi
Mon amour

Et je suis allé au marché aux esclaves
Et je t'ai cherchée
Mais je ne t'ai pas trouvée
Mon amour

ПОЭЗИЯ

*Лейла Бегим
(Чехия, Прага)*

На волнах Хазара

Берег Хазара...
В синюю воду макнул
Месяц свой грифель...

Замок песчаный
в ночь размывает прибой...
Небо беззвездно...

Парусник в море.
За горизонтом маяк
даль мерит взглядом.

Вешние воды.
Кружевом – волны, и час
тает, как пена...

Неба подсолнух
ярко расцвел над землей...
Лето в разгаре...

Пляж опустевший...
Летом рожденную песнь

волны разносят...

Мечутся чайки,
шторм ожидая к утру...
Море чернеет...

Буря затихла.
Тянется к дому строка –
лунной дорожкой...

Вечер у моря.
В тихой, прозрачной воде
листик осенний...

Берег вздыхает.
Волны ласкают его
тело в морщинах...

Льется в ночь нежность –
струйками ливня, и мир
тонет в пучине...

Осень Шагала

Здесь месяц скоро обезглавит вечер.
Сверкает он над крышами серпом.
И ночь с палитрой выйдет мне навстречу,
дар речи обретет дремавший дом,
предметы здесь задышат, словно люди:
кувшин бедром восточным покачнет,

в фигурной горке улыбнутся блюдца,
уляжется диван наш на бочок.
Здесь осень за окном – с холста Шагала,
и ты – летящий, как герой его...
Здесь муза щедро краски расплескала,
чтоб скрасить одиночество мое.

Родине

Любимая, меня послушай...
 Прости, что я в иной стране.
 За то, что первые веснушки
 чужое солнце дарит мне.
 За все рассветы средь березок,
 заката встречи у реки,
 за неказистый мой наперсток,
 стихов серебряных клубки,
 которыми сшиваю сердце
 беспечной дочери твоей,
 за улетевший призрак детства,
 как голубой воздушный змей...
 Прости за тот тревожный вечер,
 за утра светлого покой,
 за то, что взгляд мой был доверчив,
 когда прощалась я с тобой...

Послевкусие

Как вынести молчание ночей,
 неспешных дней безликую ухмылку,
 когда ты понимаешь что ничей
 стал час, скользнувший в вечность каплей
 липкой?..

Как вновь вдохнуть тот самый аромат,
 чтоб поцелуи на губах порхали,
 и кончиками пальцев ощущать
 тот воздух влажный, как щенка дыханье?..

Как все слова собрать в букет цветов –
 такой же яркий, как огонь объятий?!..
 Как уберечь воскресшую любовь,
 не предавая новому распятью?..

Ожидание

Ожидание – ежеминутно,
 Затаенным дыханием – миг,
 Смена ночи на раннее утро,
 И луны опечаленный лик,
 Двух рапир золотистых объятья
 Яркий отблеск в кофейных зрачках.
 В напряжении вянут запястья,
 И тюльпан в хрупкой вазе зачах.

Ожидание – сдавленным криком,
 Белизной на измятом листе,
 Под прозрачными пальцами – кликом,
 Дрожью жилки на правом виске,
 И сорвавшимся камнем над бездной,
 Онемевшей в сиротстве души...
 Взрывом рифм в оболочке телесной!
 Самым ценным, чем ты дорожишь...

Поздняя осень

Терпко дыхание осени поздней.
 Зрелой рябиной закаты так яркие,
 Падают рифмы, как спелые гроздья,
 на тротуары седеющей Праги.

Вдоль магистралей – машин вереницы.
 По мостовым семят пешеходы.
 В окнах трамвая меняются лица,
 и ускоряют шаг месяцы, годы...

Ржавые листья хрустят под ногами,
 ветер колючий кусает ладони.
 Осень терзает и сыплет стихами,
 бьет по щекам, исцарапав до боли...

Бродячий театр

Бродячий театр ночью в старой Праге.
 На Староместской дремлет фаэтон.
 В нем режиссер, артист – герои саги,
 читают роль, а город видит сон.
 Всё повторяют сцену давней драмы –
 и падает признаний первый снег,
 под светом тая на губах стихами,
 как тишины звенящий саундтрек...
 И знают: впереди их ждет потеря,
 разлука затрубит в свой медный рог.
 Но наш артист во встречу свято верит,
 и роль свою он не играть не мог.
 Хоть зрителями были – только Бог
 да осень, опустившая портьеры...

Простой речитатив

И снова до утра не сплю.
 В ладонях – желтым чудом – месяц.
 Считаю тени на полу,
 как годы прожитые вместе...
 Качаю колыбель из слов,
 мной недосказанных, скорее,
 что в старом словаре Любовь
 под золотым замком лелеет.
 Но вот уже звучит мотив,
 и льются через край куплеты.
 «Люблю!» – простой речитатив,
 я повторяю, как сонеты,
 и доверяю каждый раз
 бумаге тонкой, молчаливой –
 пусть страстью полнится тетрадь,
 и я усну к утру счастливой....

Пока судьба раскидывает карты
 и звезды шепчут кроткие стихи,
 ступаю я по млечному канату,
 над городом раскачиваясь, и
 тяну ладонь к мерцающей Венере,
 вдыхаю запах осени сырой,
 и пью глотками ночь, которой верю,
 лишь ей вверяя голос тихий свой.

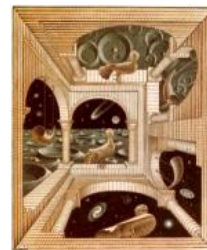
Сегодня

Сегодня я проснулась на заре.
 Смотрю на солнца языки драконьи,
 и свет в окне, как будто бы с иконы,
 струящийся со скоростью морей...
 А я вдыхаю утреннюю блажь,
 ловлю небес протянутый мне грифель
 и вывожу на снег из плена рифмы,
 наотмашь слезы стряхивая с глаз.
 И странно так!
 Лучистый карандаш
 след оставляет темный на бумаге.
 Виною, может быть, ночные страхи
 или в крови запекшийся лаваш?
 Так больно мне смотреть на этот шрифт,
 и слог, срывающийся в пропасть с лязгом,
 на небо с покрасневшим правым глазом,
 следящим, как земля взапой грешит...
 Сегодня на наращенном ногте
 звезд больше, чем в глазах любой красотки...
 Сегодня не нужны стихами строки.
 Сегодня страшно за судьбу детей...

ПОЭЗИЯ

Евгений Агуф

(МОССАЛИТ, Москва)

ПАРОДИИ

Размышления о счастливом снеговике

(Маргарита Шушкова)

что грустить снеговiku? вылепили – радуйся!

...

то собачка пробежит, тьявкнет что-то радостно

то окрестные бомжи песенку споют

то мальчишка озорной пнет его безжалостно

...

снеговик-снеговичок, нос – морковка красная

Челябинский суровый снеговик

(пародия)

я суровый снеговик, не простой – челябинский!
хулиганы нипочем – я из чугуна
мне казанская братва, видимо, от радости
в морду красным кирпичом тыкала вчера

мне пластмассовым ведром гайки занавесили
и морковку норовят вставить не туда
я хотел уйти домой, но, дойдя до лесенки,
понял, что мартена мать бросила меня

шустрый бобик по утрам, маленькая вредина,
орошает мой чугун тепленькой мочой
я от ржавчины похож на бомжа последнего
хорошо, что он пока ростом небольшой

Мастер
(Александр Пелёвин)

*Я владею рифмами
Пользуюсь размерами
Окруженный нимфами
Ослепленный перлами*

Выеду по вые я
(Пародия)

Мне б размер поямбовей,
Рифму перломудровей –
Я бы гаммы с лямбдами
Складывал на уровне.

Как пройдуся курвиметром,
Выеду по вые я –
Дурь еще не вымерла,
Но кривая вывела.

Георгий Плотников. Маки. Картон, масло, 30 x 40, 2012 г.

Сезон стихов
(Зиновий Лернер)

*Пряатель муз, настройщик лир,
Берейтор резвого Пегаса,
Взирающий на бренный мир
С вершин сверкающих Парнаса,*

*Ему ли до земных забот
О суетном и быстротечном:
Дожди, грибы, сад-огород?..
Все помыслы его о вечном.*

В проплешинах Парнаса
(пародия)

Как прядь подкрашенных кудрей,
Цветет в проплешинах Парнаса
Сад-огород, что ей милей
Стихов облезлого Пегаса.

Вновь мелкотемья тяжкий груз
Вспорхнет под взмахом рифмы чудной...

Жаль, что поэт слегка обрюзг
И полысел от жизни бурной.

Напишет пару пышных строк
И занедужит в ленной скуке.
Зато, как раньше, профиль строг
И куртуазность в каждом пучке.

Если только...

(Оля Бакинская)

почти-Весенняя почти-Фантазия

*Если только ты возьмешь меня за руку
и ладонями согреешь мне душу.
Сразу стану я в руках твоих шариком:
легким-легким и воздушным-воздушным...*

*Если только ты прижмешь меня ласково,
Нежность – шалью мне накинешь на плечи.
Сразу стану над собою не властна я,
глупой-глупенькой такой и беспечной...*

*Если только ты попросишь о помощи:
«Можно руку, сердце и... папироску».
Я наверное влюблюсь в тебя по уши!
А иначе не умею я просто!:)*

Про сон-траву, тапки и не только...

(пародия)

Я читаю эти с легкостью глупости
И сижу в придурковатой улыбке.
Как бы мне тебя, по дури, не выпустить –
Где еще найду такую, блин, рыбку.

Прижимаюсь я к упругости яблочек
И плечом в твоей ладошке потею.
Ты дрожишь под сарафаном без лямочек,
И целуешься – аж тапки слетели.

И куда ты от меня теперь денешься.
Что ты там про папироску сплетала?
Сон-траву туда забьем – и расстелются
Нам под ноги облаков покрывала.

Георгий Плотников. Снегири. Масло.

Россия, опять ты...

(Н. Бондарев)

*Россия, опять ты беременна светом.
Похоже, и власти не жаждут аборта.
И хочется быть настоящим поэтом,
Не рвущим, а лечащим словом аорты.*

*Не всё захватили шустрилы с деньгами,
Но молит культура в углах и в исподнем:
– Ребята, делитесь хоть чуточку с нами,
И пошлость растает, как снег прошлогодний.*

Беременный графоман

(пародия)

Опять графоман забеременел строчкой,
Но вера в себя не приемлет аборт.
Зачал, как на грех, и понес непорочно
Бесплодными строфами третьего сорта.

Эй ты, куль с баблом, уворованным в прошлом,
Поддай-ка деньжат на мое бескультурье!
Без денег я выгляжу скучным и пошлым,
Рожая новации в литературе.

Балансируем

(Галина Новосёлова)

*Если б можно нам было, поступки все сложив,
Вычесть те, что от бед позабывшие Бога
На распутье заблудшие души творят!*

...

*Чуть левей – только миг, ты как губкою убран,
И для всех ты навеки пропал и загублен,
Да и вправо без меры шагнул – будь готов!*

звОнишь

(пародия)

ПолОж мне сахар в сваренное кофе,
скажи, что звОнишь мне в последний раз,
доешь йогУрт, на Даля глядя в профиль,
слагай, ища в ОжЕгове подвохи,
и не пиши по срЕдам умных фраз.

На дОговор, заключенный с Эфроном,
Брокгауза клади левей Даля –
раскаркались еврейские вороны,
языкознанцев нацепив погоны,
о чистоте родного языка.

Три судьбы
(Борис Поляков)

*Простите, высокие травы,
прости, колокольчик в цвету,
двуногих, присвоивших право
бездумно губить красоту.*

*...Не верьте, пушистые звери,
призывам на том берегу...*

*...Оставьте мне, гордые люди,
последние крохи стыда...*

Исповедь вегана
(пародия)

Простите двуногого брата,
что сбил на бегу колосок,
простите за миску салата,
который сметаной промок,

мне стыдно съесть за обедом
филейные части коров
под видом котлетки, а следом
икоркой побаловать рот,

зажарить куриных младенцев
на масле убитых маслин –
стыдом разрывается сердце...
но разум, что делать мне с ним?

Георгий Плотников. Георгины.
ДВП, масло, 50 x 60, 2008 г.

Георгий Плотников. Маковое поле.
ДВП, масло, 50 x 60, 2008 г.

Глазами ребенка

(Илья Филатов)

*Из облака маленький капает дождь –
Не дождь, а скорее дождёнок.
Он ласково будит заснувшую рожь –
И та колосится спросонок.*

*Лучата резвятся, спустившись с небес –
Бесплотным в болотце не вязко!
А радужка вдруг обопрется на лес –
И мостик исполнит, гимнастка!*

Франкенштейн

(пародия)

Зрачок натянув на сосновую ветку,
Я радужкой ловко опёрся на лес.
Хрусталик навывлет, прыжок с табуретки
И с глазом вторым повторяю процесс.

Изгибом бровей имитирую мостик –
Уснувшую рожь разминаю в муку.
Удача, что в веке отсутствуют кости,
Иначе бы вечно висел на суку.

если можешь не писать – не пиши

(Андрей Баранов)

*если можешь не писать – не пиши
а сумеешь – не пиши никогда...*

*...и откроется внезапно уму
что корова она тоже поэт
хоть и знает только слово му-му...*

*...если можешь не писать – не пиши
а не можешь – что ж ты медлишь тогда?*

ну, не смог

(пародия)

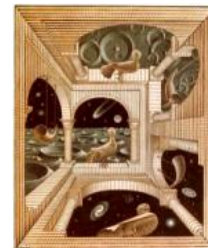
Две недели ничего не писал,
бранный мир за конформизм не любя,
но сорвался, как последний пацан,
только встретил на портале тебя.
Ты же клялся завязать в прошлый раз,
зуб давал, что с этих пор ни строки,
в профиль Пушкин, Достоевский анфас,
а напишешь – хоть святых выноси...

Помню, раньше – как умел промолчать!
но постигло недержанье тебя;
да, поэтец, видит бог, помельчал,
и для многих логорея – стезя.
Две недели не писал (это срок),
уважал и ненавидел тебя...
ты в себе не удержал... ну, не смог...
и пошло «плескаться на борт корабля...»

ПОЭЗИЯ

Юлия Лысова

(Шарья, Костромская обл.)

В гостях МВ молодая талантливая поэтесса, которой всего 20 лет. У Юлии прекрасные и зрелые стихи, ее поэзия заслуживает самого пристального внимания.

Неизвестный тюремщик

Он идет по пятам, словно призрак, скользя за спиной.
Оглушительен звон его призрачных серых доспехов.
Неизвестный тюремщик, смотритель, солдат, часовой –
Он идет по пятам и смеется неслышимым смехом.

Легкой шпагой, отлитой из стали под именем «тьень»,
Он пронзает мою еще мягкую девичью спину.
Режет теплую кожу и мясо и давит сильнее,
Добираясь до сердца клинком.
И, найдя сердцевину,

Он ведет меня дальше холодной и властной рукой –
Кровь ласкает горячим ручьем онемевшие ноги
И стекает к голодной земле, обещавшей покой,
Оставляет следы на безлюдной и пыльной дороге.

Я иду, излучая всей кожей мерцающий свет,
Как мертвец или нищий, стараясь объять и вернуть всё.
Оставляю следы и иду. И конвойного нет.

Он появится, если я вдруг решусь обернуться.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Мне ровно сто лет

мне
ровно сто лет. я иду вперед.
шагом дробя тишину и пространства свет.
я, в частном, почти что есть. я – смола и мёд.
а значит – текуча. и значит – меня нет.

нет ни в одной из передовых систем
цифр, слов и шифров, букв, координат –
если я просто чертов набор схем,
где, когда, как и кого играть.

я иду целый век и тяну за собой след –
груз неувязок маленького – с большим.

дело в значении – космос и би
лет
в
планетарий несопоста
вим.

я молча иду. мне – ровно сто лет.
не двадцать семь, увы, и не тридцать три.
молча.

и если внешне меня – нет,
значит, я есть.

значит, я есть внутри.

Георгий Плотников.
Птицемлечник.
Картон, масло, 50 х 60,
2007 г.

Августовскими ночами слаще плачется и пьется

Августовскими ночами слаще плачется и пьется,
Легче выдаются тайны, проще создаются сны.

Если вверх смотреть – на небо, – то увидеть можно солнце,
Почерневшее от боли, словно трупы от чумы.

Звезд не видно... звезды были, если верить древним сказкам,
Но теперь среди громады неба, вписанного в круг,
Только холод, только воздух ледяной, стальные краски:
Синий, черный и... тоскливый.
Цвет, свет, холод, мрак и звук.

Город молча раскрывает свои мокрые объятия –
Он, ночным умытый ливнем, жутко добр и одинок.
Я протягиваю руки, я держу его запястье,
Но не чувствую ни пульса, ни своих замерзших ног.

Глухо бьет асфальт в подошвы, свет окон ложится криво
В лужи города родного и красивого, как мать.
Августовскими ночами слаще целовать любимых,
Невозможнее – не помнить и больнее – отпустить.

мне тебя ни понять, ни обнять, ни покинуть,
мой усталый ребенок, моя чернокрылая птица.
я боюсь твоего ледяного: «хочу извиниться».
я боюсь, что останется снова лишь номер и имя.

говорю – и сгущается кровь. и мерещатся губы –
теплым следом на шее выводят знакомый орнамент.
я не знаю совсем, как назвать то, что есть между нами,
я совсем не умею быть опытной, сильной и мудрой.

мне нигде не бывает теплее, уютнее, ближе,
чем в твоих долгожданных руках, моя темная нежность.
мои сердце и ум, моя глупость, моя неизбежность.
говорят, что любовь стоит смерти.
но ты – стоишь жизни.

Я целую холодного льва в ослепительно-мраморный нос.
Здравствуй, город-душа. Здравствуй, город-колосс.

Ты растешь во мне саженцем ангельских истовых бурь.
Здравствуй, город-тепло. Здравствуй, город-июнь.

Я не больше наперстка в ладонях твоих – посмотри.
Что построится, город, скажи, на моей неразумной крови?

На моей неразумной любви что построиться, город, могло?
Финский дышит в лицо. Город руку кладет тяжело

На плечо.
Так, что рушатся башней кирпичики-позвонки.
Город, бережью братской руины мои – береги.

Вдруг – деревья, проросшие теплой весной – расцветут.

Здравствуй, город, который – не ждет.
Здравствуй, город, в котором –
Не ждут.

Из детской глупости, из женского упрямства
Я пятый год несвязное – вяжу.
Канва невестреч растянута на пальцах,
По крестикку сплетается ажур.

Ноябрь. Двадцать первое. Начало.
Никто ни в чем еще не виноват.
Глаза и задыхание. Штурвала
Потеря. Сбой координат.

Любить, любить! Впервые любят звонче,
Впервые любят чище. Высота
Была как в небе темной звездной ночью.
Потом – тепло.
И дальше – пустота.

Пустот мелодии важней словесных музык,
Пустотами и полнится узор.

Апрельский крест. Всё рушится, всё рушит

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Апрельский крестик. Мною(!) выигран спор.

Апрельский крестик. Ближе, чем нательный.

...

Здесь пальцы перехватывают нить.
Всё – оттого что ничего смертельней
И оглушительней уже не может быть.

Не может, не могло.

Два года лишних линий,
Чужих напевов: поперек и вдоль.

Твое «Люблю». Слова?
Красноречивей
Поить какао, целовать в ладонь

И греть носы. Мы оттого чужими
На перекрестках ветреных стоим,
Что ни один не ведает, какими
Задуманы. Не знает ни один,

Не видит из-под век и капюшона,
Что рядом – настоящий человек.
Живой. И улыбается с душой на-
растапашку.

Слякотно.
И снег

Идет. Весна. Опять в узоре крестик.
Опять невстречей меченый апрель.

«Георгий» слева носят. В этом месте
Ношу тебя.
Двукратный кавалер.

Двукратный и – чужой, ненужный, посторонний.

...

Здесь пальцы перехватывают нить.
Всё – оттого что ничего огромней
И сокрушительней уже не может быть.

Георгий Плотников. Зима. Снегири.
Оргалит, масло

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Катя Никишина
(Москва)

Катя учится в 9 классе, увлекается музыкой и поэзией, серьезно занимается туризмом как видом спорта. Пишет замечательные стихи и делает переводы с английского языка. В данной подборке пейзажная и философская лирика, а также поэтические переводы.

На вопросы искала ответы...

На вопросы искала ответы,
Наблюдая за небом когда-то:
Почему так волнуют рассветы?
Почему так тревожат закаты?
Утопая в немыслимом свете,
Зову сердца Вселенной внимая,
День и Ночь, снова слившись в рассвете
Иль в закате, Любовь излучают.

То ли шепчут дыханием ветра,
Выдыхают ли грома раскатом...
Потому так волнуют рассветы,
Потому так тревожат закаты.

Смотреть на море мне не надоест...

Смотреть на море мне не надоест:
Оно такое разное и новое,
То тихо, то взволнованно суровое
И штормом разрывается окрест;

Оно бывает светло-голубым,
С белесыми дорожками при штиле,
То ярко-синим, пламенящим, или
На солнце отлиывает золотым

Но главное его очарование,
Хранимое морским пространством:
Во времени – непостоянство.
И с небом вечное слияние.

Танцуй под нежное адажио

Танцуй под нежное адажио
И шепот ветра в час ночной.
Забудь всё лишнее, неважное,
Дыши волшебною весной.

Доверься первому дождю,
И сможешь ты тогда услышать,
Как барабанит он «Люблю»,
Играя вальс на сонной крыше.

Оставь все мысли и обиды,
И растворишься в душе своей.
И пусть печали не забыты,
Не плачь о прошлом, не жалея.

Откройся ветреной весне,
Стань легче перышка жар-птицы.
Пусть всё, что видела во сне,
В твою реальность превратится

Ночь и день

Ночь и День опять столкнулись
В бесконечном споре:
Кто важнее? Вновь вернулись
К теме в разговоре.

День твердил упрямо очень:
Ты понять давно должна –
Всё при свете делать проще.
Ну а ты, зачем нужна?

Ночь с улыбкою Джульетты
Вымолвила нежно:
Миру я дарю сонеты,
Спали безмятежно

Чтобы люди, звери, птицы.
Я – любви основа.
Чтобы жизнь могла родиться
У всего живого.

День был очарован Ночью
И оставил споры,
И нежнее и короче
Стали разговоры.

Тихо День и Ночь обнялись,
Заиграла Лира.
И навеки повенчались
На границе мира.

Читая старые легенды...

Безлюдная пустошь в шотландской глуши,
Сгубившая многих отважных людей.
Ты, храбрый наездник, постой, не спеши
На праздник безумия эльфов и фей.

Пусть кажется странным чарующий зов
Кружащихся эльфов и фей на пути,
Старайся избавиться от злых оков,
Волшебный трилистник быстрее найди.

Молись, в силу знака священного верь,
Ты нужен любимым своим и родным.
О том, что на пир не попал, не жалея.
Домой возвращайся, наездник, живым.

Наш дачный пруд

Наш любимый пруд давно заброшен,
И стоит угрюмый и заросший.
А когда-то был он так красив!
Ивы плачут, ветви опустив
В одинокий пруд, склонясь угрюмо,
Словно погрузившись в тяжки думы.

Танец огней¹⁶

Танец огней – красивый и яркий –
Радует взгляд. Страстно и смело
Он проявляется. Умело
Души манит. Летящий, нежаркий

Непредсказуемый. Непонятно,
Как возникает он на глазах?
Огненный танец на небесах.
И исчезает вмиг безвозвратно...

Старый пруд

Старый пруд в золотистых кувшинках,
В обрамлении стройных березок.
За окном серебрятся снежинки,
То метель, то капель, то морозы.

В небе словно взбивают перину,
Хлопья снега летят, как пушинки.
А весна мне рисует картину:
Старый пруд в золотистых кувшинках.

¹⁶ Танец огней – полярное сияние.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Просыпается зимнее утро

Отдыхает природа на белой перине,
Чистота, бархатистость, нетронутый снег.
Тишина и покой на душевной равнине,
Красота, доброта... Нежность сомкнутых век.

Чуть ресницы дрожат. Просыпается утро.
Замирает в предчувствии тихо душа.
Отдыхает природа. Снег сыплет, как будто
Счастье звёздами падает к нам из ковша.

Осенний день

Смотрю в окно на дождевые струи,
Гадаю на кленовый звездопад,
Укутывая землю в поцелуи,
С багряно-желтых лип сердца летят.

Холодный воздух, серая картина,
Звучит в дожде осенний вокализ.
Без грусти я сижу возле камина
И слушаю октябрьский каприс.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Красная роза

(по мотивам

«A Red, Red Rose» by Robert Burns)

О, словно алая роза, любовь,
Ты в июне во мне расцветаешь,
О, словно дивная музыка, вновь
В унисон с моим сердцем играешь.

Как ты прекрасна, любимая,
Я в любовь глубоко погружаюсь,
Буду, родная, любить тебя,
Пока наши моря высыхают.

Милая, высохнут все моря,
Солнце знойное камни расплавит,
Буду, родная, любить тебя,
Пусть песками меня засыпает.

Мне бы добраться любой ценой,
Дорогая, сквозь время пройти,
Преодолею, моя любовь,
Эти тысячи миль пути.

Георгий Плотников. Розы.
Оргалит, масло, 50 x 60, 2010 г.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Still loving you
(песня группы *Scorpions*)

День, мне бы день,
Верну ли твою любовь?
Я буду здесь, рядом с тобой.
Знаю, любовь
Сумеет вернуть любовь.
Я буду здесь, рядом с тобой.
*

Бой, нужен бой,
Вернуть чтобы смог любовь.
Я буду здесь, рядом с тобой.
Знаю, любовь,
Однажды вернется вновь.
Я буду здесь, рядом с тобой.
*

Если б мы могли
Путь сначала пройти,
Чтоб все изменить
И любовь обрести.
Гордость стену возвела,
Не могу сломать!
Неужели нельзя
Всё снова начать?

Георгий Плотников. Незабудки.
Картон, масло, 50 x 60, 2012 г.

*
Дай, шанс мне дай,
Поверив в мою любовь,
Я буду здесь, рядом с тобой.
Вместе, давай,
Не будем терять любовь.
Я буду здесь, рядом с тобой.
*

Если б мы могли
Путь сначала пройти,
Чтоб все изменить
И любовь обрести.
Гордость стену возвела,
Не могу сломать!
Неужели нельзя
Всё снова начать?

Люблю тебя...

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Георгий Плотников¹⁷

(Московская обл.)

МИШУТКА

Любя мир своего дома, она мало интересовалась окружающим. У нее не было телевизора, но при этом была жизнь в большом доме, в которую она не пускала никого, кроме игрушек и животных, и где она себя чувствовала полной хозяйкой наравне с остальными его обитателями.

Эта история произошла в сказочном Лесном городке, где и жил плюшевый Мишутка. Его и еще коробку шоколадных конфет купили в магазине девочке Маше на день рождения. Машеньке Мишутка очень понравился. Они вместе отпраздновали ее день, а когда остались одни, Мишутка заговорил.

Маша этого не ожидала. Он протянул к ней лапки и сказал:

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.

Маша спросила:

– А еще можешь, что-нибудь сказать?

Он повторил:

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.

Маша глаз не могла оторвать от него, просто влюбилась в Мишутку. Она прижала его к груди и стала кружиться.

У нее было много игрушек. Кукла Барби – красивая, с большими холодными глазами. Но она ничего не говорила. Был плюшевый заяц, мячики, скакалки. В общем, имелся большой сундук, а над ним висела полка, на которой дружно сидели обитатели ее детства.

Маша уложила Мишутку рядом на подушку и заснула. А Мишка долго ворочался – ему хотелось играть. Он слез с кровати, всем рассказал, как бьется его сердце, признался в любви. Барби похлопала ресницами и сказала, что ей непонятно, зачем обязательно всех любить. Главное, чтобы тебя любили. Заяц с длинными ушами не поверил, что у Мишутки есть сердце.

Мишутка прижал заячье ухо к своей груди.

– Слышишь, как бьется мое сердце? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.

– Странно, а у меня нет сердца, – сказал Заяц.

– Есть, – возразила Барби. – Просто оно не стучит так, как у Мишутки.

Заяц обрадовался.

– А у мячика есть сердце? – поинтересовался Заяц.

Мишутка сказал, что надо спросить у Барби, она всё знает.

– Сердца нет, – ответила Барби.

¹⁷ Читайте о Георгии Плотникове на с. 5 текущего номера.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

- Внутри мячика ничего нет. И он говорить не умеет, – добавил Мишутка.
- Почему? – спросил Зайка.
- Потому, что он пустой внутри. Порвется, сдуется. И хозяйка отнесет его на свалку, – ответила Барби.
- А что такое свалка? – спросил Мишутка.
- Все замолчали.
- А ты откуда? – поинтересовался Зайка.
- Из «Детского мира». Меня в хорошей упаковке принес аист. Я на витрине очень долго выбирал себе хозяйку.
- А свалка это, это... – Барби задумалась.
- Никто не знал, что это такое.
- Послушай, Мишка, ты же можешь поговорить с Машей? – спросила Барби.
- Да! Только: «Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю!»
- Ни слова больше он не сказал. Все загрузили.
- Когда наступило утро, Мишутка сидел возле кровати Машеньки. Она спросонья хотела обнять Мишутку, но его не было ни на подушке, ни под одеялом. Маша наклонилась и увидела его на полу.
- Вот ты где! Свалился ночью с кровати?
- Маша взяла Мишутку на руки. Он хотел спросить, что такое свалка, но у него получилось как всегда: «Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю!» Он вздохнул. Машенька прижала его к себе.
- Какой ты холодный! Совсем замерз. Сейчас я тебя согрею.
- Маша положила Мишутку на подушку и укрыла одеялом.
- Шло время. Наши друзья по ночам делились впечатлениями, играли.
- Послушайте, – задумчиво спросил Мишутка. – Сегодня скалку подарили соседской девочке, а мячик положили в коробку и унесли на свалку.
- Он на прощание мне шепнул, – признался Зайка.
- Что тебе, Зайка, он мог шепнуть? – спросила Барби?
- Он сказал, что если бы у него было сердце, то он не сдулся бы, – ответил Зайка. – Я обрадовался, что он смог хоть что-то сказать, но это были его первые и последние слова.
- Друзья задумались.
- Интересно, – спросил Мишутка, – на свалке есть друзья или нет?
- Однажды весной, когда Маша уже давно окончила школу, в доме появился гость. Это был Машин жених, его звали Женя. Деловой, в строгом костюме, с крутым телефоном. Он осмотрел комнату, вздохнул.
- Детский сад, ей-богу! Что это?
- Он взял куклу за руку, она моргнула несколько раз.
- А это?
- Женя посмотрел на Мишутку.
- Что ты! Он замечательный! Мишутка умеет говорить, – воскликнула Маша. – Она взяла Мишутку в руки. – Ну, говори, как ты меня любишь, говори!
- Мишутка обиженно молчал, ему не хотелось говорить. Женя рассмеялся.
- Маша, ты же не маленькая! Это я тебя люблю! – он обнял Машу и поцеловал.
- Маша замерла, выронив Мишутку из рук.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Со временем Маша всё реже стала обращать внимание на игрушки. Мишка перестал говорить. Мама предложила часть игрушек отдать соседским девочкам, а Мишку с Зайцем отнести на свалку.

Маша куклу и Мишку оставила. Остальных мама раздала соседям. Мишка был самым счастливым. Обрадовавшись, он сказал Жене:

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю!

Женя рассмеялся.

– Какое сердце? Это же батарейка. Бред какой-то.

Он взял Мишутку, положил его в коробку из-под обуви и убрал под кровать.

Ночью Мишутка вылез из коробки, чтобы попрощаться с Машей. Залез на кровать, лег на подушку, полежал, поворочался, прижал свое ухо к Маше, услышал, как бьется ее сердце. Маша спала. Мишутку с грустью посмотрел на нее, вздохнул и пробормотал:

– Эх, это у твоего Жени вместо сердца батарейка.

Мишутка спустился с кровати, подошел к Барби и спросил:

– Все-таки что такое свалка? Там есть друзья? Они любят друг друга?

Барби не знала, но стала отговаривать Мишутку.

– Не уходи, останься!

– Я не могу без любви. Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю!

Он впервые увидел, как из холодных глаз Барби выкатились слезы. Она с грустью поделилась секретом:

– А меня никогда не отнесут на свалку. Ведь я красивая. И, самое главное, молчу. За это меня и ценят. А любят или нет? Какая разница...

Прощавшись, Мишутка пошел на кухню и залез в полиэтиленовый мешок для мусора.

Вечером, как всегда, Маша собиралась на встречу с любимым. Мама заодно попросила взять пакет с мусором и отнести его в контейнер.

Вот так Мишутка оказался на мусорке. Он выбрался из пакета. Вокруг кружило воронье, из мусора торчала голова Коника.

– Где я? – спросил Мишутка?

– На мусорке, – ответил Коник.

– Это место, куда уносят ненужные игрушки? А здесь есть любовь? – спросил Мишутка.

– Не знаю, – ответил Коник.

У него не было глаза, а ухо висело на нитке. Коник до последнего служил своему хозяину, пока тот не отдал его дворовым ребяташкам на растерзание, а потом дворник выбросил.

Мишутка признался ему:

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.

Коник не поверил своему уху.

– Мы можем быть друзьями? – спросил Коник.

– Да, – ответил Мишутка, – не важно, два или одно у тебя ухо. Послушай, как бьется мое сердце? Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю! – повторил Мишутка.

Коник никогда не говорил таких слов.

– Это ж надо было оказаться на мусорке, чтобы тебе такое сказали! – обрадовался Коник.

Моросил дождь, было неуютно и сыро. Мишутка спросил на всякий случай:

– Где мы?

– На мусорке, – ответил Коник.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

- Как – на мусорке? Почему не на свалке? – переспросил Мишутка.
- На свалку попадают с мусорки, – ответил Коник.
- Как ты думаешь, нас заберут отсюда? Шансы есть? – спросил Мишутка.
- Прошлым утром меня вытащили из мешка и поставили в сторонку. Остальной мусор машина увезла на свалку, – ответил Коник.
- Коннику стало весело,
- Хочешь, я тебя покатаю? – спросил он.
- Конечно, – ответил Мишутка, и они поскакали по полиэтиленовым мешкам.
- Когда наступила ночь, Мишутка опять признался в любви. Он посмотрел на звездное небо.
- Что это? Этих светлых точек так много! – сказал он.
- Это звезды, – ответил Коник. – Я всё лето провел на улице с мальчишками. Скоро появится луна.
- Мишутка скучал по Маше и друзьям. Но такого он никогда не видел. Ему казалось, что звезды плыли по небу.
- Да-а-а-а! – протянул Мишутка. – Послушайте, как бьется мое сердце. Слышите? Тук-тук. Это значит, я вас люблю!
- Звезды его не услышали. Только одна, из Малой Медведицы, ему подмигнула.
- Эх, – вздохнул Мишутка. – Здесь хорошо, жаль, что тут мало друзей...
- Будет больше, – успокоил его Коник. – Когда меня принесли сюда, тут был заводной пес и пара машин. Но их забрал дворник с метлой.
- Мусорка – это место, куда приносят тех, кого не любят, – рассуждал Мишутка.
- Не совсем, – возразил Коник. – Ты же меня любишь. К тому же сам сбежал из дома.
- Да! Но меня там не любили.
- Верно, лучше там, где тебя любят и играют с тобой, – согласился Коник, Друзья задумались.
- Падали листья, Мишутка всё чаще стал размышлять о свалке.
- Коник, как ты думаешь, свалка должна быть ну очень-очень большой, там должно быть очень много друзей, – сказал Мишутка.
- Коник возразил:
- Друзья могут быть везде.
- Мишутке так хотелось любви, он стал рассказывать воронам, как бьется его сердце. Они подскочили от удивления, им же никто не говорил таких слов. Покачав головой, одна из ворон каркнула. А Мишутка повторил:
- Слышите? Тук-тук. Это значит, я вас люблю.
- Вороны от удивления замерли.
- В этот момент вдалеке проходила бабушка. Она заметила Мишутку.
- Да он еще и говорит, – прошептала она.
- Бабушка прогнала ворон и взяла его на руки.
- Надо его отмыть! А лучше... Я знаю, что надо с ним сделать! – сказала она сама себе.
- Мишутка хотел возразить, что он не один, а с другом, но получилось как всегда:
- Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.
- Бабушка обрадовалась, уложила Мишутку в сумку, а Коника взяла в руки и быстро пошла по дорожке в сторону своего дома.
- На пути к ее дому жила Лариса. Она была художницей и очень любила животных. Всех кошечек и собачек, а их у нее много, она нашла на улице брошенными, маленькими и

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

беспомощными. Лариса принесла их домой, отмыла, подлечила. Они подросли и, так как не могли помнить своих мам, стали считать Ларису своей мамой.

А еще Лариса очень любила игрушки. Не простые, а игрушки с историей, найденные в лужах или сугробах. А чаще – выброшенные в мусор.

Иногда и знакомые приносили ей игрушки. Это были старенькие куклы и зверюшки без глаз и носов. Многие в округе считали, что Лариса умеет с ними разговаривать и знает много их тайн. Все эти игрушки нашли под крышей ее дома заботу и любовь.

Бабушка Вера знала это и не раздумывая подошла к дому Ларисы.

Во двор вбежали, виляя хвостами, ее питомцы.

– Успокойтесь, – воскликнула Лариса, отгоняя собак.

Она подошла к своей знакомой.

– Я рада тебя видеть! – сказала Лариса.

– Привет, Ларочка, – ответила Вера. – У меня для тебя сюрприз.

Вера поставила на дорожку Коника, а затем вытащила из коляски Мишутку и протянула его Ларисе. Лариса взяла Мишутку в руки, а он то ли с испугу, то ли от радости заговорил:

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.

Собаки от любопытства запрыгали. Лариса почувствовала, как Мишутка съежился, подняла руки над головой.

– Не приставайте! Он вас боится!

Она прижала Мишутку к груди и посмотрела на Коника.

Вера объяснила:

– Вот еще лошадка, правда, грязная и порванная.

Вера хотела подвинуть Коника, но у него закружилась голова, он закачался.

– Какой хороший конь! У меня уже есть два! Значит, теперь будет тройка.

Лариса, прижимая к груди Мишутку, взяла другой рукой Коника, и они отправились к ней в дом. Бабушка Вера помахала им на прощание рукой. Мишутка был счастлив, что они с Коником оказались тут вместе.

По вечерам на кухне с полками во всю стену, уставленными посудой, керамическими кувшинами, горшочками, маленькими скульптурками и прочими приятными для глаз предметами, было светло и уютно.

Георгий Плотников. Плоды. Оргалит, масло.

Справа, возле стола, стоял большой диван, на котором расположился огромный пес, похожий на далматинца, но гораздо крупнее. Лариса звала его Умкой. Это было самое почетное место, он заслужил его по праву, потому что был самым справедливым и добрым. Рядом с ним сидела верная Ежинька. Ее Лариса нашла еще с закрытыми глазками, а когда они открылись, она очень полюбила Умку и не отходила от него. Пугливая и осторожная Милочка

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

и ее братик Кузякин смотрели из-под стола своими чудесными, полными любви глазами. Там были еще Малыш, Волчонок, Зайка, Серенький, Дружочек и Дорогой – очень умный, но своенравный и ревнивый пес.

Мишутка смотрел на них и любовался. Особенно ему понравилась семья пекинесов. Мама Соня и две ее дочурки Коклюшка и Лялечка, милые и очень добрые собачки.

Еще в этой компании был мохнатый бело-рыжий пес, Ларисин любимец, Пуза. Он очень походил на Хатико. Лариса дала ему второе имя Котико. Со своей подружкой Чернушкой они часто гуляли по саду и охраняли его.

А верхний ярус занимали кошки. Большой сибирский кот Мурзяка выглядывал из кошачьего домика. Он был тоже добрый и никого не обижал. Белая кошечка Глухоманечка лежала в корзинке на холодильнике, Бесхвосточка и молодой котик Васюнька отдыхали на подоконниках. А Масечка жила в своей комнатке (она часто болела и жила дома). Старшие кошечки Бусинка и ее дочери Манюня и Фенечка были любительницы погулять.

Собаки и кошки жили дружно, облизывали мордочки друг друга, а молодой котик Васюнька играл виляющими хвостами собак. Они вместе гуляли по саду, и никто никого не обижал. Кошки обычно выбирались на улицу через форточки, поэтому они свободно гуляли, когда им хотелось.

Мишутка объяснился всем в любви и был облизан. Вокруг стола то и дело крутился Филя-Простофиля, стараясь ухватить всё, что плохо лежит. Искоса посматривал Ума, пытаясь полакомиться то пирожком, то блинчиком со стола. Когда кому-нибудь удавалось что-то стащить, Лариса делала вид, что не замечает, но все же грозила пальцем.

На плите готовился вкусный бульон для обитателей дома, а в духовке пеклись пироги, аромат разносился не только по всему дому, его можно было почувствовать на соседней улице, поэтому там часто выли собаки. Лариса разговаривала со своими питомцами, рассказывала им всякие истории про игрушки. Так что Мишутка попал в веселую компанию. Здесь была жизнь, сама любовь и радость. Никто никого не обижал, все понимали и любили друг друга.

Поздно вечером хозяйка дома уложила всех по своим местам и пожелала им спокойной ночи. Затем она взяла Мишутку и пошла с ним по лестнице на второй этаж. Когда Лариса зажгла свет, Мишутка ахнул!

– Сколько игрушек! Это же детский мир!

Лариса усадила Мишутку на диван и, пожелав спокойной ночи, ушла в свою спальню. Мишутка растерялся, увидев, что из спальни вышел кот, старенький персиковый британец. Он жил на втором этаже и был здесь самым главным. Когда-то давно он пришел следом за Ларисой к ней в дом блохастым, грязным и голодным. Лариса назвала кота Вовой.

Вова подошел к Мишутке. Мишутка обнял кота и произнес:

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.

Вова такого еще ни разу не слышал.

– А еще что ты умеешь, кроме как говорить? – спросил кот.

– Любить, – немного подумав, ответил Мишутка. – Еще умею дружить и играть.

– И это всё? – удивился Вова.

– А что еще нужно уметь?

– Например, мурлыкать у хозяйки на груди, гладить хвостом ее ноги, а по утрам будить своими усами, щекоча ее нос.

– Нет, этого я не умею, – вздохнул Мишутка.

– Хорошо! – обрадовался кот Вова. – Мы можем стать друзьями.

– Фу! – выдохнул Мишутка. – А зачем тебе знать, что я умею?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Мне надо! И очень важно, – заметил кот. – Я без любви жить не могу.

– Я тоже, – радостно заметил Мишутка, – давай будем любить друг друга.

– Давай! – согласился кот Вова. – А ты можешь меня гладить или чесать мне шею. И сказки рассказывать, и убаюкивать, молоком меня кормить?

– Нет, – ответил Мишутка, – но я тебе буду говорить: «Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю».

– Что мне от твоих слов? – возразил кот Вова.

У него сразу пропал интерес к Мишутке, он демонстративно удалился в спальню. Мишутка расстроился, потому что он любил просто так, а не за что-то. Это наивно, но он любил искренне, поэтому у него получалось дружить с такими же, как он. Он знал, что в нем живет любовь и верил, что бьется сердце.

Это заметила кукла. Ей было около шестидесяти лет, она была самая первая и любимая игрушка Ларисы. Кукла не умела хлопать глазами, потому что они были нарисованные. Она сидела напротив Мишутки и наблюдала за всеми. Мишутка никогда не видел такой куклы. Он обрадовался и признался в любви. А затем, неловко помолчав, спросил:

– Ты кто?

– Я принцесса, – ответила кукла, – зовут меня Ирина. – Кукла немного подумала и сказала: – Нет, Марта.

– Все-таки Ирина или Марта? – переспросил Мишутка.

– Много лет назад, когда меня подарили, Мама была маленькой девочкой примерно с меня ростом. Тогда меня звали Ириной, я была единственной куклой. А когда у Ларисы родилась кузина, Мама стала звать меня Мартой.

– А меня зовут Мишуткой, потому что я медведь.

Мишутке стало весело. Он увидел, что Коникку пришили ухо и новый глаз. Они стали дружно качаться. А на серванте стояли двадцать три дамы из мировой классики. Они всё время о чем-то шушукались и тихо хихикали. В углу, возле лестницы, стояла большая кукла в свадебной фате, она моргала большими глазами, когда наклонялась, и говорила «мама». Она всё время как будто кого-то ждала, вытянув вперед руки.

Марта спустилась с тумбочки, подошла к дивану взяла на руки Мишутку и прижала к себе.

– Какой ты мягкий, – прошептала она.

Марта была сделана из папье-маше и покрашена краской. Мишутка был счастлив, он прижался к Марте, как к маме, стал слушать, как бьется ее сердце.

– Мишутка, что ты делаешь? – спросила Марта.

– Слушаю, как бьется твое сердце.

– Да! Но сердце находится у Мама. Оно у нас одно на двоих. Когда Мама прижимает меня к себе, я чувствую, как оно бьется, а когда я одна, то нет.

– Я тоже, когда не один, чувствую, как бьется сердце. Слышишь? Тук-тук.

Марта прислушалась.

– Мишутка, когда я одна, мне так одиноко. Если бы у меня билось, как у Мама, сердце, я сошла бы с ума. А когда я не слышу его, мне спокойно. Иногда кажется, что я мамина мама. Я помню ее совсем ребенком. Помню, как она выросла. Помню, как стала мамой, а потом бабушкой. Она по-прежнему меня любит, и мне кажется, что я такая же умная, как она.

Мишутка спросил:

– А что такое ум?

– Ум, это когда тебе интересно слушать. Умные не бросят, а будут заботиться о тебе. Умные могут ответить на любой вопрос, их уважают, как например, Мама.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– И даже когда ты сломаешься, тебя не бросят? – спросил Мишутка.

– Да! Мне Мама неоднократно красила и шила одежду. Она любит меня, потому что я такая же, как она. Я соответствую ее внутреннему состоянию.

Мишутка не понял, что такое внутреннее состояние. Но про ум сделал вывод.

– Я Коника не бросил в беде, а он меня слушал, значит, мы с Коником к тому же умные. Ему любовь была нужна, он не любил одиночество. Смысл существования тогда терялся. Он был одержим любовью, хотел любить весь мир!

Марта предложила Мишутке посмотреть второй этаж. Они подошли к большой кукле, Марта представила Мишутку, та в свою очередь наклонила голову, моргнула большими глазами.

– Меня зовут Ассоль, я жду свою любовь.

Мишутка удивился.

«Зачем ее ждать, – подумал он, – когда можно любить прямо сейчас?»

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю!

Ассоль от удивления заморгала.

– Так просто? – произнесла она. – Я так не могу. Я буду ждать своего принца.

Мишутка не понимал, что значит ждать. Марта успокоила его. Ей приятно у лестницы ждать свою маму и спрашивать, когда приплывет ее принц. Мама обычно говорила: «Скоро, доченька. Скоро твой принц приплывет». И Ассоль спокойно ждала до следующего вечера.

– Хорошего ветра в парусах твоему принцу, – пожелал Мишутка.

Ассоль от радости захлопала в ладоши.

Мишутка был рад. Они с Мартой направились в спальню. Неожиданно путь им перегородил большой черный лохматый пес. Он запыгал. Марта крикнула.

– Фу, сидеть, Черныш!

Пес от радости высунул язык. Его громадная морда была раза в три больше Мишутки. Пес посмотрел на Мишутку сверху и попытался его лизнуть.

– Сидеть, – скомандовала Марта.

С кресла прыгнул леопард и лениво вытянул свои лапы. Кот Вова подошел к Чернышу и стал драть лапами коврик. Зрелище было любопытное. Посмотреть пришли Чебурашка, розовый заяц, кукла, белый плюшевый пес, овечка Долли, восемь медведей разных мастей, три лошадки. На одной сидел бычок, на другой белая кошка, на третьей коровка, а под уздцы всех троих держала конопатая девочка Катя с мальчиком Петей на руках, а у ног ее сидела собачка Хари, возле котика – Барсик с хомячком.

Пес пытался схватить леопарда, а тот сворачивался как спираль и подпрыгивал под потолок. Громче всех кричала подруга леопарда, овечка Долли. Дамы из мировой классики, усевшись на краю серванта, дружно хлопали в ладоши. Кроме одной – Мэри Поппинс. Она свистнула, потом раскрыла зонтик, прыгнула вниз. Мишутка прижался к Марте, ему было немного страшно. Ведь со всех сторон лаяли, мяукали, ржали, ревели.

– Мишутка, у нас это каждую ночь. Мы к этому привыкли, – прошептала Марта.

Победителю на этот раз досталось переходящее красное музыкальное сердечко. Кукла подняла его над головой, подошла к Лео и надела сердечко ему на шею. Сердечко запело и заговорило.

– Я хочу сказать тебе самые прекрасные слова на свете. Я люблю тебя!

Мишутка упал. Такого он еще никогда не слышал. Он почувствовал, как забилося в груди его сердце. Марта подняла Мишутку.

– Что с тобой? – спросила она.

Мишутка не мог прийти в себя, он впервые увидел сердце, да к тому же говорящее.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– А мое только стучит, – еле слышно произнес Мишутка.

– Да, зато ты медведь и умеешь говорить, – возразила Марта, – а это игрушка – поющее сердце.

Все шумно веселились. Марта с Мишуткой на руках незаметно ушли. Они прошли в спальню, дверь за ними еле слышно скрипнула.

Справа на кровати спала мама, рядом на подушке, свернувшись калачиком, спал кот Вова.

В углу находилась лестница наверх.

– Что там? – спросил Мишутка.

– Чердак, – ответила Марта. – Летом там живет кот Вова, он любит с балкона наблюдать за всеми, а ночью хорошо видны звезды.

– Звезды – это хорошо, – протянул Мишутка.

– А ты откуда знаешь про звезды? – спросила Марта.

– Я умный. И про звезды всё знаю. Они для тех, у кого нет крыши над головой. Ляжешь, звезды перед тобой, а когда не спится, начинаешь их считать.

Мишутка дальше трех считать не умел.

– Раз, два, три. Раз, два, три.

– А дальше? – спросила Марта.

– Зачем? По три кучками складываешь в сторонку, пока не уснешь.

– Скоро утро, – прошептала Марта. – Пора нам тоже укладываться спать.

Мишутка облегченно вздохнул.

– Как хорошо иметь крышу, голова не мокнет. А вместо звезд можно считать пчел, перекладывая из одного улья в другие кучками по три.

Марта согласилась. С Мишуткой они поделили кожаный диван напротив кровати, где спала мама.

Окна, выходящие на восток, принимают первые утренние лучи солнца. Осенний лучик заглянул, разбудив кота Вову. Вытянув лапы, кот Вова зевнул, запустил коготки в одеяло, подтянулся поближе к маме и начал урчать в ухо, облизывая шею. Мама повернулась, пряча голову под одеяло. Вова наступил на нее лапами, продолжая урчать. Спустя несколько минут мама сдалась.

– Ну вот пристал, – мама высунула руку из-под одеяла и стала гладить кота.

Выйдя из спальни, мама сделала Воле замечание.

– Вова, ты опять всю ночь бесился, от тебя один беспорядок.

Кот Вова крутился у нее под ногами, не давая шагнуть, мама подняла леопарда, положила на кресло рядом с овечкой. Черную собаку оставила у дивана, а Мэри Поппинс, лежавшую почему-то на полу, подняла на сервант.

Все игрушки оказались на своих привычных местах. Собаки толпились на первом этаже у дверей

– Гулять! – крикнула мама, распахнув дверь.

Все выбежали в осенний сад, свежий воздух прогнал ночной покой, на кухне закипела жизнь. Запах вкусной еды перемешался с запахом свежеприготовленного кофе.

Еду мама раскладывала по мискам. Каждого гладила по шерстке. Собаки после завтрака растворялись в саду.

Лай возле калитки потревожил маму.

– Ну кто там?

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Мама поднялась с кресла и вышла в сад. Возле калитки стоял я, друг и компаньон, ближайший сосед. Я пришел по делу, на чердаке лежали картины Муратова для выставки. Поднимаясь, я увидел куклу с Мишуткой.

– Откуда он у тебя? – спросил я.

– Мне его подарили, – ответила Лариса. – Он умеет говорить.

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю!

Я обомлел. Мне никто таких слов не говорил.

Мишутка смотрел мне в глаза.

– Послушай, как бьется мое сердце. Слышишь? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю, – повторил я слово в слово.

– Лариса, подари его мне, – попросил я.

– Не могу, – ответила она.

– Почему? – спросил я.

– Он без Марты жить не может, да и Марта привязалась к нему.

– А он может погостить у меня? – спросил я.

– Погостить может. Пару недель.

Я очень обрадовался. Мишутка окрылял меня, вдохновлял, чем огорчил мою жену. Я был с ним везде: дома и на работе, когда ел и когда гулял, а когда ложился спать, укладывал на подушку. Мишутка признавался мне в любви и напоминал про сердце. Он каждый раз поднимал мне настроение. Это было как пилюля счастья. Я перестал принимать таблетки от давления.

Я верил каждому его слову. Он любил меня просто так.

Я верил, что наша семья стала больше. Но он оказался лишним.

Ранним утром в понедельник я вывез мусор. А вечером обнаружил пропажу. Мишутка как сквозь землю провалился. Мне было досадно, но я верил, что найду его.

Я поехал на мусорку и стал перебирать пакеты, разыскивая Мишутку.

– Не молчи, говори! – просил я. – Говори! Слышишь, как бьется мое сердце? Слышишь? – Выбившись из сил, я сел и, подняв лицо, увидел звезды. – Слышите, как бьется мое сердце?

Звезды не услышали, кроме одной, из Малой Медведицы. Она подмигнула мне.

Мишутка сидел рядом, наблюдая за мной, и ворчал.

– Ты как я. И сердце у тебя бьется. И любовь проснулась. Я теперь лишний.

Мне не хотелось ехать домой, звезды плыли перед моими глазами, Мишутка окончательно перестал говорить. Может, батарейки сели. Скорее, Мишутка понял, что он – игрушка в руках людей. А здесь игра без правил. Тебя в любой момент могут отправить на мусорку, если даже у тебя бьется сердце.

Конец истории, кончайте любить нереальную любовь.

Мишутка найдет себе друзей, я не сомневаюсь.

P. S.

Прошло два года с тех пор как Мишутка покинул меня, но я всё равно вспоминаю его, ведь я каждое утро подходила к нему, и он произносил слова, которых мне никто и никогда не говорил:

– Слышишь, как бьется мое сердце? Тук-тук. Это значит, я тебя люблю.

Я просила Юру вернуть мне Мишутку, но он почему-то молчал. Пришлось смириться: пусть, думаю, живет у Юры, он ведь тоже любит его. У меня много и игрушек, и зверушек. И они все меня очень любят. И я тоже их очень люблю.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

А еще Мишутка не застал собачку – спаниеля Бимочку-Любимочку. У нее иногда бывают судороги, она становится беспомощной, поэтому я взяла ее на второй этаж. Мне привела ее приятельница. Разве больное животное можно выбросить на улицу? Теперь я счастлива, что познакомилась с такой доброй и ласковой собачкой с грустными глазами. Она спит на кровати, прижавшись ко мне и положив мордочку мне на грудь. А утром облизывает меня и дарит столько любви, что ею можно осчастливить всю Землю.

Вот так я и живу без Мишутки, без его нежного голоса.

Но однажды Юра принес мне эту сказку, и я узнала, почему МОЙ МИШУТКА не вернулся. И горько плакала о судьбе бедного маленького беззащитного медвежонка. Но всё же верила в его счастливую звезду.

Когда я писала эти строки, мне принесли большого, но очень старенького и худенького медведика (его тоже выбросили). Я посмотрела в его печальные глазки и увидела в них, как по Лесному городку гуляет маленькая девочка, прижимая к себе плюшевого медвежонка.

Он ей что-то шепчет на ушко, и с ее уст не сходит улыбка!

Георгий Плотников. В полях. Оргалит, масло

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

ДЖИНСЫ С ДЫРКАМИ, или ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...

Солнце распирало от самодовольства! Оно пылало на ярком, лазоревом, без единого облачка небе. Наконец-то, после неожиданно зябкой и дождливой августовской недели, снова пришло тепло! С ноутбуком в рюкзаке, в хорошем настроении и вполне довольная творческим настроением, я подошла к дверям любимого кафе. Машинально подергав за ручку и удивившись тому, что дверь не поддается, очнувшись от своих мыслей и вернувшись в реальность. Действительность скорчила гримасу – мое любимое кафе закрыто! На его месте, после тщательно сделанного ремонта (и следа кофейни не осталось), теперь нагло поселился и зазывает прохожих манящей вывеской игровой зал!

Я растерялась и пару минут стояла, глупо уставившись на окно бывшего кафе. То самое окно, у которого я так уютно сидела за любимым столиком. То окно, у которого я частенько сочиняла, глядя на улицу, на октябрьский дождь, январский снег, на яркое летнее солнце. Стало ужасно грустно, ведь я никогда не думала, что эта кофейня может вдруг исчезнуть. Понимаю, конечно, город меняется и всё в жизни меняется тоже. Но почему-то это маленькое кафе, исправно работавшее на протяжении многих лет, казалось мне величиной постоянной. Величиной, дающей ощущение стабильности и комфорта.

Всё с тем же ноутбуком в рюкзаке, но уже с подпорченным настроением и сомнениями по поводу творческого настроения я поплелась искать другое кафе, другой столик и другое окно...

Спустя пятнадцать минут я уже сидела в какой-то кофейне неподалеку и ждала свой заказ. Всё здесь было не так, столики высокие, а кресла хоть и мягкие, но очень низкие. Пить кофе, может, и можно, а вот печатать неудобно, приходится стаскивать ноут на колени. Окон всего два, и столики около них заняты. К тому же подоконники плотно заставлены цветами «для создания атмосферы». Из-за этого улицу видно плохо, а для меня окно в кафе – это окно в воображаемый мир. Тавтология, зато верно по сути.

Сидя в самом центре зала и вяло размешивая ложечкой отсутствующий в кофе сахар, я разглядывала посетителей кафе и размышляла. Как же это происходит, что в один день то, что казалось надежным и стабильным, вдруг меняется, преображаясь и превращаясь во что-то совершенно иное? И мы принимаем условия, пытаемся привыкнуть, адаптироваться к незнакомому, новому. А если не принимаем, то ищем адекватную замену привычному и родному. А надо ли?

...Я глотнула кофе. Неплохо. Хотя не сравнимо с привычным эспрессо, с тем... с бывшим...

Итак, о чем бишь я? Ах да! Стабильность в жизни. А есть ли она? А нужна ли? Вот, например: все ищут стабильность в отношениях, в финансовом положении, в работе. Во всех сферах нашего бытия человек старается найти что-то постоянное, в чем можно чувствовать надежность. А ведь жизнь сама по себе не надежна, не стабильна. Природа листает сезоны,

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

они мелькают и порой непредсказуемо меняются местами. Деревья не устают наряжаться: то в белое, то в зеленое, то в оранжево-лимонное. Дожди и ветра налетают внезапно, и так же неожиданно тучи рассеиваются и выглядывает солнце. Звери меняют шубки с наступлением холодов, змеи сбрасывают старую кожу.

Мы, люди, тоже не стабильные существа. Приходим сюда из небытия, маленькие нелепые комочки, растем, преобразуемся каждый день, каждый час. Один период чередуется с другим. То юность, то зрелость, то старость. Мы худеем и поправляемся, красим волосы и ногти в разные оттенки, меняем даже цвет глаз! Благо линзы позволяют это осуществить с легкостью. Нет ничего, что бы могло задержаться хоть ненадолго. Всё движется, подвергается переменам, перерождается. Мода диктует нам обновляться каждый сезон. Появляются новая одежда, необычные стрижки, смелые стили, футуристический транспорт, фантастический дизайн интерьера. Город тоже меняется, строится, ремонтируется, украшается. И даже камни и горы, земля и вода, планеты и звезды живут и движутся, а значит, меняются. Стабильности нет! Ее не существует! Стабильность – это смерть...

Я заглянула в пустую чашку. Ничего себе, как далеко увели меня мысли – от закрытого кафе до просторов Вселенной! Что ж, неудивительно, ведь сегодня рухнула моя крошечная Вселенная, моя величина постоянная.

Расплатившись за кофе, выпорхнула на улицу, так ничего и не написав. Собственно, даже и не доставала ноутбук из рюкзака. Ничего, подумалось, погуляю, и вдохновение вернется! Я шла по тротуару, обдуваемая приятным летним ветерком, и наблюдала за проходящими мимо людьми. Вот женщина, вероятно, моя ровесница, катит не спеша коляску с малышом. Неторопливая походка, длинная юбка, бесформенная кофта с карманами. Блеклые волосы женщины, стянутые в тугий узел на затылке, давно забыли о прикосновениях рук мастера. Внук или внучка тихо сопит под кружевным одеяльцем под мерное покачивание. Эта женщина с ребенком явно претерпела перемены в жизни, для нее наступил новый период, обозначился другой статус – она теперь БАБУШКА.

А вот другая пожилая женщина в джинсах с дырками и татухой на плече. В руках дорожная сумка, на ногах кроссовки. Улыбаясь чему-то уголками губ, она пружинисто обгоняет неспешного мужчину с сигаретой и легким движением головы отбрасывает эффектно подстриженные седые волосы с лица. Вижу тонкие проводки наушников и понимаю, откуда взялась улыбка.

У этих двух женщин примерно одного возраста разные периоды в жизни. И они, эти периоды, могут измениться в любой момент. Значит, и возраст не имеет стабильности. Если тебе шестьдесят, это вовсе не значит, что ты стабильно стареешь. Нет, это зависит от твоих желаний и предпочтений. А вот почему одни предпочитают дырявые джинсы, а другие валокордин – это уже другая тема. Получается, что та стабильность, которую все якобы ищут или ждут, миф? Пшик? Покой нам только снится? И всегда, во всём нас ждут перемены? Да, наверное, это так. Сегодня ты романтичная мурлыка, а завтра берешь в руки дрель – и к верстаку! Кажется, только вчера мы были студентами и думали, что знаем жизнь. Но сегодня нам пятьдесят и мы не знаем ровным счетом ничегошеньки! Ну не в буквальном смысле, конечно, образование-то никуда не исчезает. Неделю назад кто-то планировал отпуск на берегу моря, а сегодня лежит в больнице. Уж простите за печальный пример, но, как говорится, жить надо здесь и сейчас. Теперь я окончательно понимаю смысл этого выражения.

Дорога привела на знакомую улочку. Невольно остановилась у маленькой кофейни с приятным названием «Булочная № 5», зашла внутрь. Уютный интерьер, удобные столики и стулья, аппетитная витрина с пирожными и булочками. Но главное, большие окна, выходящие

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

на улицу! Вот оно, мое новое пристанище! И почему я раньше сюда не приходила? Да потому, что упивалась иллюзорной стабильностью и игнорировала возможности, посылаемые Вселенной. И Вселенной пришлось действовать жестко: закрыть кафе, и всё! Ну а как иначе?

Нет, я больше не позволю себе гоняться за призрачным постоянством. Гораздо интереснее жить, когда каждый день тебя ждут перемены. Пусть будут разные улицы, разные кафе, пусть встречаются новые друзья и интересные люди. Пускай мода меняется, я это принимаю и вполне могу соответствовать. Не хочу застыть в своих ретроградных убеждениях и в один далеко не прекрасный день исчезнуть, как то кафе. Я выбираю драные джинсы и дорожную сумку. И кто знает, может, лет через десять, я полностью поменяю имидж и набью себе татуху на плече. А творить можно в любом уголке мира, лишь бы были идеи. И тогда найдется нужный столик, большое окно и чашка вкусного, горячего кофе!

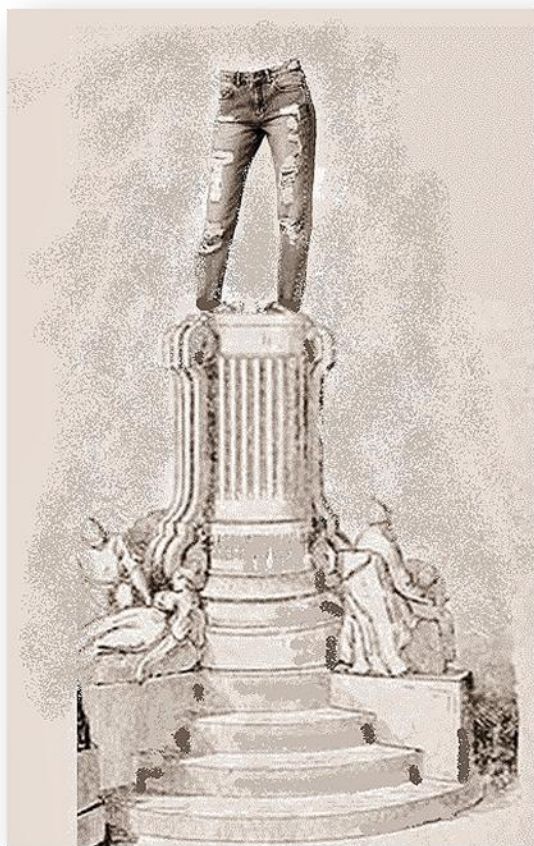

Рисунок Анны Народицкой, 2017 г.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

*Алексей Казарновский
(МОССАЛИТ, Москва)*

Фото автора

ХРОНИКИ ШКИПЕРА

Киклады. Часть 2¹⁸

Следующее утро (12 сентября) оказалось солнечным и тихим. Лодка застыла на длинной якорной цепи. Море было практически зеркальным. Мы позавтракали. Галя занялась любимым делом – плюхнулась за борт, и вскоре ее желтые ласты и трубку я уже с трудом мог разглядеть вдалеке возле берега.

Мимо по берегу прошло несколько местных мужичков с ружьями на плечах. Вскоре невдалеке слышались выстрелы. Оставалось надеяться, что отстреливали они не туристов... Затем мужички прошли в обратном направлении, таща с собой убитых кроликов. Еще проехал колоритный старичок на мопеде. В корзине над передним крылом его двухколесной машины сидел маленький песик, замерев в позе вперёдсмотрящего.

Между тем мы вдруг заметили, что яхты, стоявшие у причала, начали одна за другой от него отходить. Очень хотелось встать по-человечески, с возможностью сходить с лодки прямо на твердую землю, поэтому мы быстро выбрали якорь и двинулись к освобождающимся местам. Увы! По причалу ходил дежурный, который недвусмысленно показал нам, что причаливать нельзя. Лодки уходили не просто так. Очень скоро открылась и причина изгнания яхт. Ею оказался небольшой танкер, который ошвартовался к причалу.

Нам пришлось опять встать на якорь и задуматься о насущной проблеме, которая проистекала из отсутствия на «Алкистосе» фекальных цистерн. Решение этой проблемы надлежало искать на берегу. Мы с Дериволковым высадились на тузике и направились по берегу в глубину бухты, где концентрировались небольшие белые домики в кикладском стиле в количестве около двух десятков. Судя по опыту, приобретенному на Паросе, там можно

¹⁸ Продолжение. Начало в МВ № 1 (23) и № 2 (24) 2017.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

было ожидать наличия общественного туалета. На пустынной улочке (одной из трех, кажется) мы повстречали дружелюбного улыбающегося аборигена, к которому обратились с незатейливым вопросом:

– Туалет?

– Проблема! – ответил он по-английски.

– Нет туалета? – уточнил я.

Он подтвердил мои худшие опасения, но показал на стоящий рядом дом со следами запустения, уже даже начавший разрушаться.

– Там туалет! – заулыбался он еще шире.

Мы проникли через отчасти разрушенный каменный забор во двор и остолбенели. Посреди двора стоял унитаз. Он не был никуда подключен, он просто там стоял сам по себе. Трудно предположить, что кто-то пытался посмеяться над нами таким образом, разве что сама судьба. Впрочем, кроме унитаза во дворе оказался еще и уютный сарай, в котором когда-то держали скотину. Он был очень кстати разделен на отдельные загоны. Им и пришлось воспользоваться.

Умиротворенные и счастливые, мы вернулись на улицу и побрели дальше в направлении причала. По пути обнаружился маленький магазинчик-кафе, благоухающий свежим горячим хлебом. Я заглянул в портовый офис и спросил у дежурного, нельзя ли как-то встать к причалу?

– Танкер уйдет в полночь, – был ответ.

Затем мы осмотрели сам танкер и с удивлением обнаружили, что он привез и перекачивает на берег обыкновенную воду. Летом вода на Кикладах – проблема и ее доставляют на некоторые острова, как выяснилось, таким образом.

С тем и вернулись на лодку. Для удобства сообщения с берегом мы зацепились за него длинной веревкой, по которой теперь можно было проводить тузик на руках, не пользуясь веслами или мотором.

Следующей нашей задачей была экспедицию на хору. Организационную часть мы поручили Диме Федотову. Они с Леной обнаружили на берегу прокат автомобилей и, захватив с собой Александра Ивановича, отбыли в глубь острова. Тем временем мы с Галей прогулялись по берегу, вышли за пределы населенного пункта и оказались на высокой скале, у подножья которой в небольшой бухте обнаружили городской пляж. Со скалы открывался великолепный вид на море и соседние острова в южном направлении. Уже опять ветрено. Море покрыто белыми барашками под безоблачным ярким небом.

Через некоторое время мы все снова собрались на яхте. Настала наша очередь отправляться на хору. Проблема состояла в том, что права садиться за руль у меня, как оказалось, не было. Дима получал автомобиль один, имея на руках кроме своих еще и мои права. При этом дама, заведовавшая прокатом автомобилей, отказалась оформить меня как второго водителя, требуя моей личной подписи на договоре. Взяв документы, мы отправились на берег, надеясь легко решить возникшую проблему. Однако на острове царила

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

сиеста: офис проката был закрыт и не у кого было даже спросить, когда откроется. Походив минут пять кругами, я решил, что три километра до хоры доеду и нелегально. Никакой дорожной полиции на острове с одной дорогой длиной в пять километров совершенно очевидно не было. Мы уселись в маленькую «хёндэ», оставленную Димой на пляже, и двинулись вверх по склону горы.

Машина оказалась совершенно убитой и едва тянула в гору. Узкая асфальтированная дорога сделала поворот в небольшом распадке на склоне возле маленькой белой греческой церковки с двускатной крышей, увенчанной крестом. Прямо у закрытых дверей церкви собралась небольшая толпа... коз во главе с импозантным козлом. Их призвало сюда отнюдь не религиозное рвение. Дело было в маленьком клочке тени, которую отбрасывало строение как раз со стороны входа. Козы прятались от знойного послеобеденного солнца.

Без приключений проехав еще пару километров вверх по склону, мы очень скоро оставили машину на грунтовой стоянке на окраине хоры и двинулись в населенный пункт. Справа высоко на горе стояла ярко-белая церковь. Она притягивала взгляд, и не попытаться ее посетить было невозможно. Однако прежде мы очень скоро оказались на небольшой площади. В мелких кафешках сидело несколько посетителей, окруженных кошками, жаждущими подачки со стола. Справа площадь была огорожена каменной стенкой, за которой отвесно обрывалась в море скала уступом метров в двести. Здесь открывался совершенно поразительный, захватывающий и завораживающий вид.

Налюбовавшись и нафотографировавшись, мы углубились в очаровательные узкие улочки хоры, где белые стены с синими ставнями на окнах увиты виноградными лозами, где цветут олеандры, где можно пройти пешком, но не проехать на машине, где меня не покидало ощущение, что иду не по улице, а по коридору большой коммунальной квартиры. Такая ассоциация не несла в себе никакого негативного оттенка. Наоборот, она таила теплое ощущение дома, человеческого жилища. Хора была совсем небольшая, и мы обошли ее за десять минут. Теперь настала очередь церкви. Мы пошли в гору по асфальтированному серпантину сначала мимо двух-трех маленьких гостиниц, одна из которых поманила зеленым двориком с бассейном, а затем по открытому каменистому склону, почти голому, едва поросшему местами выгоревшей жесткой травой с колючками. К нашему разочарованию, церковь была закрыта. Закрыт был даже ее двор, обнесенный забором. Отсюда, правда, открывался великолепный вид. Сделав несколько фотоснимков, мы спустились к машине и без приключений вернулись в порт.

Вечер прошел тихо и мирно. На завтра на пять часов утра был назначен выход на знаменитый остров Санторини (Тира), маячивший в двадцати с лишним милях на юго-востоке.

Поднявшись на палубу в предутреннем мраке, мы сразу поняли, что легкого перехода не будет. Снова дул довольно сильный ветер, лодку заметно покачивало. Мы подняли якорь и стали выходить из бухты, огибая угадываемую в темноте скалу в горле у южного берега. Вдали над горизонтом слабое сияние рассеянного в морской дымке электрического света указывало местонахождения острова Тира. Дима Дериволков стоял у штурвала.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– Видишь свет над Санторини? – спросил я. – Рули туда.

Он, впрочем, и без меня знал, куда рулить. По мере того как мы выходили в открытое море, обстановка становилась все напряженнее – ветер сильнее, волна выше и злее. Лодку жестоко швыряло, ветер посвистывал на порывах в снастях. Из-за борта летели соленые брызги, во мраке над нами слабо светился Млечный Путь, а впереди разливалось бледное сияние далекого острова. Перемещаться по лодке было трудно из-за болтанки. Приходилось все время за что-нибудь крепко держаться. Чтобы работать с парусами у мачты, Дериволков надел страховочный пояс. Я встал к рулю.

Через некоторое время стало нарастать ощущение, что это приключение излишне для нас. Отдых превратился в самоистязание. Мимо с правого борта в темноте проплыл какой-то белый огонек. Что это было? Тогда я вспомнил о летучем голландце. На самом деле, наверное, мимо прошла небольшая рыбацкая лодочка, на которой то ли горел только моторный белый огонь, то ли мы видели ее с кормы. Притихшие перепуганные женщины тихо охали, сидя в кокпите. Чувство одиночества и покинутости посреди стихии тихо грызло изнутри. Прошло минут сорок. Дело шло к рассвету, и казалось, что ветер усиливается. На восходе и на закате обычно раздувает. Как на грех, вчера я пропустил прогноз погоды по радио. Беспокоила мысль: не дай бог, ветер усилится до 7-8 баллов, и либо лодка не выдержит, либо мы не справимся с ситуацией... Некоторое время поборовшись с собой, я все же принял неприятное решение и произнес фразу, вошедшую в анналы:

– Кажется, мы мучаем наших женщин...

Возражений не последовало. Мои товарищи уже сами пришли к той же мысли. Мы повернули назад... Светало. В неверном сумеречном освещении, казалось, легко заблудиться у входа в бухту среди торчащих из воды скал, но всё обошлось. Когда начало всходить солнце, «Алкистис» снова бросил якорь у Фолегандроса. Настроение было кислое. Планы срывались, мучили безделье и неопределенность. Ветер не стихал. Ждать прогноза по радио надо было еще долго, поэтому я решил пройтись до портовой полиции и спросить погоду у них. Там получали краткосрочный прогноз каждые шесть часов и обязаны были давать его всем интересующимся.

Мы снова прогулялись по знакомому берегу до знакомого домика у причала. Дежурный сообщил, что на ближайшее время ожидается ветер северо-восток пять баллов. Это было вполне приемлемо. Прикинув возможное время прибытия на Санторини, я понял, что и оно вполне нас устраивает. Успеваем засветло при условии, что стартуем прямо сейчас.

Вернувшись на лодку, начали поднимать якорь. Якорь не поднимался... После нескольких неудачных попыток решили дернуть его лодкой с хода. Честно говоря, я боялся, что мы оборвем цепь или свернем брашпиль, но обошлось. Якорь вышел даже не из-за силы рывка, просто лодка отошла и мы уже тянули цепь с другой стороны. Стало понятно, почему он не хотел пониматься: сквозь толщу воды было видно, что якорь зацепился за большой угловатый камень, лежащий на дне среди песка. Это была какая-то издевка судьбы. Вспомнились позавчерашние вечерние мучения, когда он категорически отказывался держать и полз по дну. Нет бы ему тогда зацепиться за этот камень!

Теперь, при свете дня, переход не показался слишком тяжелым, хотя море было по-прежнему беспокойно и дул довольно сильный ветер. Лодку болтало, время от времени она с глухим ударом падала с гребня волны, поднимая столбы брызг, или врезалась носом в крутой скат, в результате чего по палубе от носа до кокпита прокатывалась вода, но продвижение наше к Санторини не останавливалось и остров постепенно вырастал впереди.

Женщины запели хором бодрую песню из кинофильма «Дети капитана Гранта», настроение поднималось вместе с бурными высокими берегами приближавшегося острова.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Вскоре мы вошли в кальдеру и стали как зачарованные оглядывать ее невероятную, неземную панораму. Здесь было куда комфортнее, чем в открытом море, поскольку практически отсутствовало волнение. Вокруг нас лежало разорванное в двух местах гигантское кольцо, образованное островами Тира и Тирасия.

Оба они – большой и поменьше – остатки огромного конуса вулкана, взорвавшегося около 1600 года до новой эры. Рваные слоистые разноцветные и почти вертикальные внутренние склоны были настолько угрожающе выразительны, что казалось, взрыв произошел пару лет назад. Довершал нереальность пейзажа новый остров в центре кальдеры. Он появился в результате извержения XVI века и представлял собой груды обломков застывшей лавы. Куски прочного черного базальта, пористого от вулканических газов, наполнявших его в расплавленном состоянии, были навалены грудой.

Мы попытались встать возле города Тира, но подходящего места не нашли. Якорь тут, конечно, бросать было нельзя. В нагромождении каменных глыб на дне он мог легко застрять так, что потом не вытащишь. Покрутившись вокруг занятых мурингов, двинулись в центр кальдеры к острову Нео Камени. Там в одной из многочисленных бухт нашли какой-то свободный муринг, на который и встали.

Пейзаж вокруг был совершенно лунный. Берег образован бесформенными глыбами черного цвета, похожими на шлак, размером от футбольного мяча и больше. Они были навалены в абсолютном беспорядке. Никаких следов растительности, никаких признаков песчаного пляжа. Безжизненный лунный пейзаж. Весь остров представлялся мне гигантской угольной кучей. Такие кучи в моем детстве можно было видеть возле еще не газифицированных котельных.

Только мы расслабились, поужинав и приняв вечернюю порцию вина, как в бухте появилось двухмачтовое судно под «Веселым Роджером». Конечно, это был не пиратский бриг, а туристическое судно-муляж для дневных прогулок сухопутных туристов. Таскать «Веселый Роджер» – дурной вкус, но туристы, далекие от морских нравов, падки на такой кич, и владельцы прогулочных посудин потакают им в погоне за деньгами.

Приблизившись к нам, «пират» возгласил голосом своего капитана через матюгальник: «Яхта! Уходите!». Стало понятно, что мы встали на его муринг. Настроение испортилось. После трудного дня сил искать новую стоянку уже не было. Оглядевшись, мы обратили внимание на небольшой катер, стоящий на муринге по соседству. Он был зачехлен, и ожидать появления его хозяев на ночь глядя не приходилось. Мы решили перецепиться к нему. Ночь можно и

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

вдвоем постоять на одном муринге, тем более что для страховки у нас еще и веревка на берег протянута. Подгоняемые изредка окриками с «пирата», мы выполнили задуманный маневр, после чего, наконец, отправились спать.

Утром Александр Иванович и я решили совершить вылазку на остров. С некоторым трудом и помощью тузика перебрались на берег и стали пытаться подняться по склону, который, как уже было сказано, представлял собой груды острых, колючих и ненадежно лежащих глыб вспененного базальта. Скатив в море попутно две-три глыбы, мы все же поднялись на невысокий (метров десять) гребень, лишь с тем чтобы убедиться, что дальше местность совсем непроходима. За гребнем была ложбина, за ней опять подъем примерно на ту же высоту. Все склоны и вообще весь ландшафт насколько хватало обзора представляли собой все те же груды обломков вспененного базальта. На них было в самый раз ободраться в кровь и переломать себе ноги. Осталось оглядеть восхищенно дикость первозданной геологической природы и вернуться к себе на судно. Да и пора уже было сниматься с якоря, дабы искать место для высадки на большом острове.

На этот раз решено было попытаться счастья у той оконечности острова, которую мы миновали вчера, входя в кальдеру. Там находится населенный пункт Ойя. На наших картах я нашел другое название – Финика, и так и полагал, что мы имеем дело именно с этим городком. Много позже, при повторном посещении Тиры восемь лет спустя, разобрался, что Финика – чуть в стороне, хотя и примыкает к Ойе.

Приблизившись к пристани, возле которой виднелось несколько парусных и моторных яхт, мы вдруг обнаружили вдоль берега линию мурингов, обозначенных буйками. С некоторой неуверенностью после вчерашнего приключения все же решили встать на один из них. Становимся суетливо и бестолково. Сначала так задали носовой, потом переадали по-другому, потом с трудом тащим длиннющий и, соответственно, тяжеленный кормовой конец с помощью тузика на берег. Еле справляемся, лазая по осыпающемуся берегу, сложенному из острых вулканических камней на урезе воды, но вот все сделано и мы высаживаемся на небольшой второстепенный бетонный причал со стороны мелководья. Около него качаются на мурингах небольшие рыбацкие лодки.

Осматриваюсь. Чуть поодаль на берегу группа белёных строений возле основного причала, а прямо тут почти у воды небольшой дом, такой же белый. Обитателей не видно, дверь открыта настежь. Надо бы спросить, можно ли, во-первых, оставить лодку на этом муринге (не явится ли возмущенный хозяин, как только мы уйдем), во-вторых, оставить тузик здесь на берегу. Постучав в открытую дверь, заглядываю внутрь и после яркого света не сразу обнаруживаю хозяина, который прилег на незатейливое ложе свое.

Это невысокий коренастый старик, который, увидев меня, тут же вскакивает на ноги. В глубине дома замечаю и хозяйку. Начинаю извиняться – неудобно, что потревожил, – и задаю свои вопросы. Быстро выясняется, что у хозяина с английским неважно.

Мы выходим на крыльцо, показываю ему на яхту, спрашиваю, хорошо ли ее так оставить и получаю лаконичный, но эмоциональный ответ с соответствующей жестикуляцией: «Окау! Very good!»

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

– А тузик? – спрашиваю я.

– Окау, окау, – опять отвечает старик, демонстрируя полное удовлетворение и показывая, что мы спокойно можем оставить нашу шлюпку на слипе его маленького причала.

Дима Дериволков привозит с лодки вторую партию членов нашего экипажа. Теперь мы все на берегу. Тузик втащен на слип. Я карабкаюсь по склону в сторону видимой вблизи тропы, дабы быстрее покинуть частную территорию, на которую мы так бесцеремонно вторглись, но хозяин показывает мне на калитку чуть в стороне, выказывая некоторое недоумение по поводу моих нерациональных действий.

Итак, мы вышли за пределы владений наших гостеприимных хозяев. Чуть дальше по берегу, в сторону основного причала, возле которого начиналась цивильная дорожка для подъема вверх по склону, обнаружилась таверна. Решив, что нужно налаживать отношения с местным населением, мы тут же в ней приземлились и заказали питье. Хозяйка, которая, очевидно, наблюдала всю эпопею нашей высадки, сказала:

– Нельзя так лодку оставлять на ночь. Случится шторм – унесет!

Пришлось успокоить ее, пояснив, что к вечеру мы вернемся.

Покинув таверну, мы направили свои стопы мимо маленькой прибрежной церкви по бетонированной дорожке, ступенчатым серпантинном поднимающейся на гребень по крутому склону с обнаженными толстыми разноцветными слоями вулканической породы. О том, что для подъема тут в качестве транспорта используют мулов, ярко свидетельствовало обилие навоза под ногами. Через некоторое время мы встретили и группу самих мулов во главе с погонщиком.

Небыстрый подъем окончен. Дорожка кончается, и как-то неожиданно мы оказываемся в городе. Небольшая площадь, перед нами внушительная красивая бело-голубая церковь с открытой звонницей. Вокруг бродят туристы. Миновав церковь и пройдя по узенькой пешеходной торговой улочке с многочисленными сувенирными и прочими лавочками, мы оказались на проезжей улице, где сразу увидели искомое объявление: «Rent a car» – прокат автомобилей.

После недолгой беседы с прокатчиком, получаем шестиместный «Фиат-Добло» салатного цвета, в котором как раз помещается весь наш экипаж. Теперь едем через весь остров в направлении Акротири. Есть намерение посетить знаменитые раскопки минойского поселения. Через пару минут машина оказывается вне населенного пункта. Слева – пологий внешний склон вулканического конуса. На нем ниже видны обширные сельскохозяйственные

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

угодья. В морской дали ясно просматриваются очертания острова Иос. Справа круто поднимается бурый каменистый сыпучий гребень.

Наметанным взглядом замечаю у дороги инжирное дерево и останавливаюсь. Благо в этом месте есть небольшая обочина в виде кармана, что, в общем-то, редкость на этих островах. Сентябрь – сезон спелого инжира, который мы и собираем с обнаруженного дерева. Утолив голод по свежим фруктам, едем дальше. Вскоре минуем узкие загруженные улицы города Тира и оказываемся снова в загородной зоне. Кругом необъятные пространства виноградников, грядок с овощами и тому подобного. Изредка встречается загородный дом, иногда группа домов. На одном из них видим надпись, глубоко взволновавшую Диму Дериволкова – «Музей вина». Он начинает настаивать на посещении этого заведения. Я возражаю, что это будет издевательством над водителем.

– Но он же может взять с собой! – спорит Дима.

Мы, однако, проезжаем мимо. Скоро добираемся до Акротири. Здесь полумесяц острова заканчивается невысоким каменистым мысом. Пляж, кафе. Пообщавшись с персоналом кафе, узнали неприятную новость: археологический сайт Акротири закрыт, причем надолго, на несколько месяцев... Пошатавшись некоторое время по берегу, двинулись назад. На этот раз опять проехали мимо «Музея вина», чего Дмитрий Иванович не может мне простить до сих пор, направились в город Тира и припарковались на окраине.

Побродили в густой вальяжной толпе туристов над обрывом, любуясь неземной панорамой.

Посмотрели на мулов, возящих туристов вверх и вниз по склону от причала до центра городка по тропе, покрытой толстым слоем навоза. Посидели в кафе над самым краем бездны, выпив пива и соков. После этого вернулись к машине и отправились в Ойю возвращать транспорт хозяину. По пути остановились на горной дороге на относительно пологом внешнем склоне острова у примеченного ранее инжира. Пока мы его обрывали, Дима Дериволков, пошарив вокруг, притащил килограмма полтора винограда. У него, уроженца Молдавии, на виноград нух.

Вскоре мы были уже в Ойе и сдали машину, после чего опять оказались на наполненных туристами улицах. Зашли в подвернувшийся магазинчик – купить местного вина на пробу.

Московский BAZAR, № 2 (20) 2016 г.

Александр Иванович присел, ожидая нас, на парапет. К нему тут же подошла с дружелюбными намерениями большая черная собака, с которой он с удовольствием общался, пока остальные углубились в изучение ассортимента местной алкогольной продукции.

Потом начали спуск к нашей лодке, хорошо видной сверху. По этой мощеной тропе тоже ходят мулы, таская на себе туристов, но не в таком неумеренном количестве, как в Тире, поэтому дорога тут не столь загажена.

Группу мулов без седоков, но с погонщиком мы встретили на полпути. Видимо, рабочий день у них кончился и животные направлялись домой на заслуженный отдых.

Спустившись на каменистый пляж, зарулили в уже знакомую таверну, где осели для вечерней трапезы с полным нашим удовольствием. В процессе ужина я, оторвавшись от стола, подошел к урезу воды, любуясь сумеречной панорамой кальдеры. Было тихо, быстро темнело. У моих ног по дну, покрытому мелкими бурыми вулканическими камнями, бродил маленький (ну совсем малюсенький!) осьминог...

Усталые, но сытые и довольные, почти уже в полной темноте мы добрались до причала, где в целости и сохранности нас ждал на слипе наш тузик. Возникла мысль отблагодарить старика сувенирной бутылкой русской водки из неприкосновенного подарочного запаса, имевшегося в нашем распоряжении. Однако в домике было темно и тихо, тревожить его обитателей мы не стали, а водка еще пригодилась позже...

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2017